

1
K786

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ПИФАГОРЕЙСКОЙ
ФИЛОСОФИИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1832.

132.909

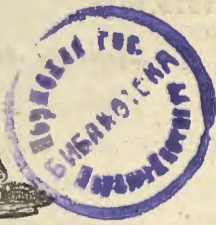
117.993 ✓ *В. В. Риттеръ*
Семинъ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

ПИΘΑΓΟΡΕЙСКОЙ

ФИЛОСОФІИ.

(По Риттеру.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1832.

103(0)321-205.3

УДК (091)

Отъ Санктпетербургскаго Духовнаго Цензурнаго
Комитета печашать дозволяется. 9 Августа,
1832 года.

Цензоръ Академіи Инспекторъ Архимандритъ
Платонъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Пифагорейское учение въ настоящее время, когда ш. е. разумъ человѣческой если не болѣе укрѣпился въ своихъ силахъ, по крайней мѣрѣ сдѣлался опыннѣе, не можешь конечно считаешься глубокою мудросью: его недо-спанки споль ошупинельны, что не спѣишь спруда исчисляшь ихъ. Но въ Исторіи—Пифагорейское учение, какъ соспавная часпъ Эллинской Философіи, занимаешь не послѣднее мѣсто. Слившись съ учениемъ Іонійской и Элейской школы въ Философіи Аппической, оно хопя не удержало за собой перевѣса, однако и не поперяло своего значенія. Кто чипаль Платона, пошпъ помнишь объясненіе образованія міра, изложенное въ его Тимеѣ. Два начала — *тоже* (*τὸ αὐτό*) и *не тоже* (*τὸ ἕτερον*), очевидно, соопвѣпспвуютъ Пифагорейскимъ *предѣлу* и *неопредѣленному*; числа замѣнены идеями; нравспвенный взглядъ на міръ, мысль о гармоническомъ его успройспвѣ заимспвованы спаже ошпъ Пифагорейцевъ. Вообще, не зная ученія Пифагорейскаго нельзя понимаешь, во многихъ пунктахъ, ученія Платонова, главнаго разсадника всѣхъ послѣдующихъ Греческихъ системъ.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о Пифагорейской школѣ, дошедшія до насъ отъ древнихъ, не имѣютъ надлежащей удовлетворительности. Изъ разнородныхъ и разновременныхъ сказаній выбрать достовернѣйшія, мысли собственно Пифагорейскія очистишь отъ чуждой имъ примѣси, изъ разбросанныхъ членовъ составишь связное цѣлое—если такая задача для Историки Пифагорейской Философіи, которую могла рѣшишь, и то по приближенію, только неупомимосъ Германскихъ Ученыхъ. Особенно важны въ семъ отношеніи многотрудныя изслѣдованія и глубокія соображенія *Мейнера, Бѣка, Риттера*, и отчасти *Рейнгольда*.

Краткая Исторія Пифагорейской Философіи взята изъ Всеобщей Истории Философіи *Риттера*, автора, отличающагося связностью въ изложеніи и вѣрностью критическаго вкуса. Желаящій имѣть полнѣйшее свѣдѣніе о Пифагорейцахъ и ихъ ученіи можетъ пользоваться источниками и пособіями, исчисленными въ концѣ сей книжки.

Издатель не замедлишь сообщить Публикѣ и другіе опыты своихъ занятій Исторіей Философіи, если сей заслужишь одобрительное вниманіе знапоковъ.

СО ДЕРЖАНІЕ.

I.

Пифагоръ и Пифагорейцы.

Время и мѣсто рожденія Пифагора, Спран. 1. Его свѣдѣнія. 2. Значеніе мѣстическихъ сказаній о немъ. 3. Преданія о его наставникахъ. 5. Можно ль почитать его ученикомъ Египетскихъ жрецовъ? 7. и Ферекида? 9. Его образованіе чисто Греческое. 10. Пифагорейскій союзъ въ Кротонѣ. 12. Его полиматическій духъ и постановленія; 13. ученныя занятія, философія. 16. Гоненіе на Пифагорейцевъ въ Италіи и смерть Пифагора. 18. Распространеніе Пифагорейской школы. 19. Ложныя преданія о Пифагорейцахъ. Подложныя сочиненія. 20. Пифагорейцы около временъ Сократа. 22. Филолай, Архипъ. 24. Пифагорейцы мнимые. 26. Имѣла ль Пифагорейская Философія періоды своего развитія? 27.

II.

Ученіе Пифагорейское.

Трудности изслѣдованія. 31. Число есть начало вещей. 32. Смысль сего предложенія. 34. Другія его формулы. 35. Спихіи числа; таблица противоположностей. 37. Значеніе сей таблицы. 38. Отношеніе началъ производныхъ къ верховному началу. 41. Источникъ несовершенства. 43. Почему первое начало названо числомъ?

45. Предѣлъ. 46. Неопредѣленное. 48. Образование
міра. 53. Жизнь его. 56. Обзорѣніе числительнаго
ученія. 57.

Основаніе различія вещей. 58. Гармонія въ значенія
начала соединенія, 59. и правильности. 61. Частныя
объясненія различія вещей; физическія качества
плѣтъ; пять стихій. 63. Огонь — начало жизни. 64. Де-
сять плѣтъ небесныхъ. 65. Гармонія сферъ. 66. Не-
совершенство земли. 67. Раздѣленіе міра. 68. Посте-
пенности въ образованіе міра. 71. Степени жизни. 73.

Ученіе о душахъ человеческой. 75. Ученіе о духахъ.
77. Переселеніе душъ. 78. Раздѣленіе способностей
душевныхъ. 81. Познанія. 83.

Ученіе нравственное; добродѣтель. 84. Правила
благоразумія. 86. Аскешика. 86. Воспитаніе. 87.

Двойное направленіе Пифагорейской Философіи и ея
значеніе въ Исторіи Философіи. 88.

Литература. 91.

I.

ΠΙΘΑΓΟΡΉ и ΠΙΘΑΓΟΡΕΙΨΥ.

ΠιθαγορΉ, основатель философской школы, известной под его именем, родился в Самосѣ (1), во второй годъ 49 Олимпиады (около 584 г. до Р. Х.) (2). Жизнь сего знаменитаго мужа покрыта мистическимъ мракомъ. Баснословныя преданія о немъ современны началу Греческой Истории (3); а пространныя повѣствованія о его жизни, составленныя писателями позднѣйшими, походятъ болѣе на сказки, нежели на жизнеописанія (4). Впрочемъ по не подлежащей сомнѣнію, что Пифагоръ имѣлъ необыкновенныя, по тогдашнему времени, познанія (5).

---

(1) Isocr. laud. Bus. p. 227. ed. Steph.

(2) Clem. Alex. Strom. I. p. 309.

(3) Herodot. IV. 94—96.

(4) Porphyrii vita Pythagorae; Jamblichus de vita Pythagorae; Diog. L. VIII. 1—50. Phot. bibl. cod. CCLIX.

(5) Herod. IV. 95. καὶ Ἑλλήνων οὐ τῷ ἀσθενεστάτῳ σοφιστῇ Πυθαγορῇ. Замѣчашельнъ также отъзвѣтъ Гераклита о Пифагорѣ ap. Diog. L. VIII. 6: Πυθαγορῆς Μνησάρχῃς ἱστορίην ἤσκησεν ἀνθρώπων μάλιστα πάντων, καὶ ἐκλεξάμενός ταύτας τὰς συγγραφὰς ἐποίησατο ἑαυτῷ σοφίην, πολυμαθίην, κακοτεχνίην.

Предметы его изслѣдованій отчасти извѣстны: его причисляютъ къ отличнѣйшимъ *Математикамъ* (1); утверждаютъ, что онъ занимался опредѣленіемъ отношеній музыкальныхъ цѣновъ (2), и сдѣлалъ нѣсколько *Астрономическихъ* открытій (3). Сія сказанія заслуживаютъ вѣроятіе, впрочемъ, не столько сами по себѣ, сколько потому, что согласуются съ духомъ, господствовавшимъ въ школѣ Пифагора. По сей же причинѣ можно ему приписать нѣкоторыя свѣдѣнія въ *Медицинѣ* (4), съ которою у него находилась въ связи *Музыка*, имѣвшая близкое отношеніе къ *Математикѣ* (5). Поелику же Пифагоръ приписывалъ большую важность воспитанію (6), а *Гимнастика* и вообще у Грековъ, и особенно у Пифагорейцевъ,

(1) Извѣстно, что Пифагору приписываютъ открытіе геометрической истинны (названной впоследствии *magister matheseos*): «въ прямоугольномъ треугольникѣ квадратъ изъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ изъ катетовъ». Говорятъ, что за сію находку онъ принесъ богамъ *секатомбу*. Пифагоровымъ изобрѣненіемъ считали также таблицу умноженія (*abacus Pythagoricus*). Cic. de nat. D. III. 36; Plut. symp. VIII. 2, 4; non posse sicut vivi sec. Epic. 11; Diog. L. I. 25; VIII. 11, 12; Porphyg. v. P. 36.

(2) Porphyg. in Ptol. harm. p. 213; Diog. L. VIII. 12; Boëth. de mus. 10, 11.

(3) Diog. L. VIII. 14; Plin. hist. nat. II. 8.

(4) Diog. L. VIII. 12; Plin. l. 1; Cels. de med. I. praef.; cf. III. 4.

(5) Porph. v. P. 30, 33; Jamb1. v. P. 164, 243.

(6) Plat. de rep. X. p. 600.

составляла существенную принадлежность его: по очень вероятно, что Пиеагоръ и Гимнастикъ оказалъ немаловажныя услуги, объяснивъ начала ея, или раскрывъ ея отношеніе къ нравственности (1).

Но не столько сіи соображенія о познаніяхъ Пиеагора, сколько баснословныя преданія о немъ указываютъ намъ средошочіе его дѣятельности. Сіи изображаютъ намъ Пиеагора мужемъ святымъ, чудотворцемъ, проповѣдникомъ Божественной мудрости. Посему самое рожденіе его сопровождается чудесами. Одни называли его сыномъ Аполлона, другіе — Гермеса. Рассказываютъ, что лице его сіяло иногда божественнымъ свѣтомъ; что *Аварисъ* Скиелійскій прилетѣлъ къ нему на золотой сферѣ; что въ одно и то же время видали его въ различныхъ мѣстахъ; что его слушались и дикіе звѣри; что рѣчной Богъ пріятствовалъ егo; что онъ отъ Гермеса получилъ даръ припоминать себѣ обстоятельство прежней своей жизни, и могъ сообщать его другимъ; что онъ слышалъ гармонію сферъ небесныхъ, и его изрѣченія считались непрелож-

---

(1) Впрочемъ нельзя слишкомъ довѣрять сказаніямъ о свѣдѣніяхъ Пиеагора въ Музыкѣ и Гимнастикѣ: кромѣ Пиеагора Философа древніе упоминаютъ о Пиеагорѣ аплетѣ и Пиеагорѣ учителѣ Музыки: писатели позднѣйшіе могли смѣшивать сіи три лица. Diog. L. VIII. §6, 47; Aristox. harm. elem. II. p. 36.

пою истинною (1): послѣ сего удивительно ль, что жители Крононы именовали его гиперборейскимъ Аполлономъ (2)! Но очевидно, что такія сказки не могли бы составиться о Пифагорѣ, если бы онъ самъ себя, или другіе ему не приписывали особенной близости къ Богу. Есть на сіе и свидѣтельство:

---

(1) О сихъ и подобныхъ неѣпостяхъ повѣствуютъ *Порфирій* и *Ямвлихъ*. Они увѣряютъ также, что чудеса, сдѣланныя Пифагоромъ, почти невозможно исчислить. Возьмемъ два изъ нихъ, для образчика:

Однажды Пифагоръ, проходя мимо рыболововъ, предсказалъ имъ, сколько они поймаютъ рыбы. Рыболовы смѣясь отвѣчали, что если сбудется его пророчество, то они соглашаются исполнить все, что онъ ни прикажетъ имъ. Вынащали сѣти, пересчитали рыбу, и оказалось, что Пифагоръ не ошибся. Пользуясь правомъ претовати отъ рыбаковъ повиненія, Пифагоръ приказалъ имъ, пойманную рыбу пустить опять въ море. «Что всего удивительнаго, восклицаетъ Ямвлихъ: «ни одна рыбка не умерла!» (сар. 8.)

Прогуливаясь въ окрестностяхъ Таренна, Пифагоръ замѣтилъ, что одинъ изъ пасущихся воловъ ѣстъ зеленые бобы. Тотчасъ подзываетъ онъ къ себѣ паслуха, и совѣтуетъ ему вразумить вола, что бобовъ не должно употреблять въ пищу. Паслухъ отвѣчалъ, что ему неизвѣстенъ языкъ, на которомъ объясняются съ волами. И такъ Пифагоръ самъ подошелъ къ волу, пошепталъ ему что-то на ухо: и волъ не только тогда пересталъ ѣсть бобы, но и послѣ никогда не прикасался къ нимъ! (сар. 13.)

«Кратко сказавъ» Пифагоръ предсказывалъ землетрясенія, отвращалъ заразы, усмирять вѣтры, утишалъ бури на рѣкахъ и моряхъ. Никто не сдѣлалъ столько чудесъ, сколько онъ: это всякой знаетъ. Такъ говоритъ *Ямвлихъ* (с. 142.), жившій въ девятомъ вѣкѣ по смерти Пифагора.

(2) *Agistox. ap. Aclian. т. II. 26.*

изъ нихъ самое древнее — Геродота, который упоминаетъ о пайномъ Богослуженіи Пифагорейцевъ, о ихъ Оргіяхъ и священномъ словѣ (вѣроятно, какой нибудь священной формулѣ ихъ Богослуженія) (1). Поселику жъ извѣстно также, что Арифметика и Геометрія, Музыка и Астрономія, и даже Медицина и Гимнастика, къ которой должно отнести и Орхиспику, у Пифагорейцевъ имѣли тѣсную связь съ Богопочитаніемъ: то средоточіемъ всѣхъ познаній какъ самого Пифагора, такъ и учениковъ его, можно съ достовѣрностію признавъ пайное, установленное имъ Богослуженіе, которое его послѣдователи, вѣроятно, почитали болѣе священнымъ, нежели Богослуженіе всенародное.

Любопытно знать, какимъ лушемъ такой чудный человекъ, каковъ Пифагоръ, достигъ той степени образованности, которой обязанъ свою знаменитостію и сильнымъ вліяніемъ на умы своихъ современниковъ. Любопытство сіе было причиною различныхъ догадокъ и предположеній о источникахъ его познаній. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ основываются на историческихъ преданіяхъ; но когда вспомнимъ, что къ симъ преданіямъ присоединилось, съ теченіемъ времени, множество

---

(1) II. 81. Еще древнѣе Ксенофанова свидѣтельство о Пифагорѣ (Diog. L. VIII. 36); но въ настоящемъ случаѣ нельзя прямо воспользоваться имъ.

сказокъ, и что, напрошивъ, ошь древнѣйшихъ свидѣтелей дошли до насъ весьма немногія сказанія о Пиеагорѣ: по исчезаетъ всякая надежда опличить здѣсь истину ошь выдумокъ. Изъ позднѣйшихъ одни увѣряють, что Пиеагоръ обучался Геометріи у Египтянь, Ариеметикъ у Финикіянь (1), Астрономіи у Халдеевъ, Богословію и Нравственности у Маговъ (2), шакъ что, если вѣришь имъ, Пиеагоръ ничѣмъ не занимшвовался ошь Грековъ, и можешъ назвашься мудрецомъ Восточнымъ. Другіе, изъ Греческихъ ученыхъ именують наставниками Пиеагора кагихъ-шо двухъ неизвѣстныхъ древнихъ мудрецовъ *Креофила* (3) и *Гермодама* (4), далѣ *Віанта* (5) и *Талеса* (6), *Анаксимандра* Физика (7) и Миеографа *Ферекида* (8). Изъ всѣхъ сихъ сказаній шолько два заслуживають нѣкошорое вниманіе,

---

(1) Пиеагора почитають ученикомъ *Моха*, или *Мосха* Финикіянина, першаго (какъ увѣряетъ *Посидонтій* ap. *Strab. geogr. XVI. p. 757.*) Атомистика. *Мосха* иныя признають за одно лице съ *Моисеемъ*, и ошсюда выводятъ заключеніе, что Пиеагору извѣстно было Иудейское ученіе о Богѣ.

(2) *Porph. v. P. 6; Apulej. flor. I. fin.*

(3) *Jamb. v. P. 9.*

(4) *Porph. v. P. 2; Diog. L. VIII. 2.*

(5) *Jamb. v. P. 11.*

(6) *ib.*

(7) *Porph. l. I. Apul. flor. I. I.*

(8) *Diog. L. I. 118, 119; Cic. de divin. I. 49.*

именно, что Пифагоръ былъ ученикомъ Египетскихъ жрецовъ, и — Ферекида.

Если разсудимъ, что Египеть, удивляя древнихъ Грековъ своею образованосью, кошорой опыты видѣли они особенно въ произведеніяхъ зодчества, поражавшихъ зрѣніе своею огромностью, не могъ не казаться имъ странною чудесь, пока они не познакомились съ нимъ короче: то понятно будетъ, почему они Пифагора, необыкновеннаго такъ же чловѣка, поставили въ связи съ Египтянами. Сверхъ сего, ученіе о переселеніи душъ и нѣкоторыя аскетическія правила его имѣли сходство съ Египетскимъ ученіемъ: откуда жъ производишь ихъ, если не изъ Египта! Далѣе, старинное преданіе сказывало, что Пифагоръ, прежде прибытія въ Кропону, путешествовалъ по отдаленнымъ странамъ. Должно присовокупишь къ сему и то обстоятельство, что Самось, отчина Пифагора, имѣлъ и торговля и политическія сношенія съ Египтомъ. Последнія вель *Поликратъ*, властелинъ Самоса; а преданіе поставляетъ Пифагора въ связяхъ съ Поликратомъ. И такъ можно считать вѣроятнымъ, что Пифагоръ былъ въ Египтѣ. Но изъ сего нельзя еще заключать, что онъ посвященъ былъ и въ таинства Египетскихъ жрецовъ (1): ибо частію итъ на сіе

---

(1) Antiphon ap. Porphy. v. P., 7, 8; Jambl. v. P. 18, 19.

свидѣтельство удовлетворительныхъ, а частію у-
спроисво и духъ жреческихъ кашъ не позволяють
допустить сіе предположеніе. И поверхностнаго
знакомства съ Египетскими повѣрьями и священными
обрядами доспащочно къ тому, чтобы увѣриться
въ скудости сего источника мудрости (1). Геоме-
трія, которую Геродотъ производить отъ Егип-
тянъ, въ тѣ времена была у нихъ въ младенчествѣ.
Греки первые дали ей видъ науки, и если заняли
что нибудь по сей часши отъ Египтянъ, то развѣ
какіе нибудь механическіе приемы. Ученіе о пере-
селеніи душъ было у Египтянъ ученіемъ всенарод-
нымъ, и Пифагору не нужно было для него посвя-
щаться въ ихъ таинства. Пифагорейскіе обычаи,
сходные будшо съ Египетскими (2), маловажны,
и не предполагають знанія жреческихъ секретовъ.
Пришомъ, подробности о Пифагорейскихъ обыча-
яхъ выдуманы въ позднѣйшее время. Оспариваетъ упо-
мянутъ объ одномъ обстоятельстве: Пифагорейцы,
подобно Египтянамъ, употребляли символы для
выраженія своихъ мыслей, Но Египетская символика,

---

(1) Платонъ (De ger. IV. p. 435. ff.) приписываетъ Египтянамъ
τὸ φιλοχρημάτων, а не *τὸ φιλομαθῆς*.

(2) Сходство сіе едвали не ограничивается тѣмъ однимъ, что
Пифагорейцы, подобно Египтянамъ, не погребали своихъ покойниковъ
въ одеждахъ, сдѣланныхъ изъ волоса. Herod. II, 81. Прочія Египет-
скія обыкновенія могли быть усвоены Пифагорейцамъ позднѣйшими
писателями, особенно Александрійскими, когда сдѣлалось аксіомою,
что всѣ Пифагорейскія постановленія вѣдутъ свое начало изъ Египта.

сколько извѣстно, имѣеть самое ошдаленное сходство съ Пиагорейскою. У Пиагорейцевъ употребительнѣйшіе символы ариеметическіе; прочія символическія правила носятъ на себѣ слѣды Греческаго быша. Только въ геометрическихъ символахъ можно было бы находить нѣкоторое сходство съ Египетскими гіероглифами; но поелику геометрическіе символы у Пиагорейцевъ имѣють самую тѣсную связь съ ариеметическими, то и сіе сходство не вѣдетъ ни къ какимъ дальнѣйшимъ заключеніямъ.

Съ *Ферекидомъ* поспавляютъ Пиагора въ связи кое-какіе анекдоты, въ кошорыхъ впрочемъ имя его можно замѣнить почти вслкимъ другимъ. Онь *Ферекида*, по мнѣнію нѣкошорыхъ, Пиагоръ заимствоваль ученіе о переселеніи душъ. И такъ предоставляется на произволь каждаго, производить сіе ученіе или онь Египтянь, или онь *Ферекида*! Другаго сходства между миеологіею *Ферекида* и Философіею Пиагора не находимъ: *Аристошель*, напрошивъ, увѣряеть, что Пиагорейцы были совершенно различнаго съ *Ферекидомъ* мнѣнія о началъ вещей (1).

---

(1) *Ферекидъ* училъ, что все произошло изъ наилучшаго (τὸ ὑγιαν πρῶτον ἄριστον τίθησι); Пиагорейцы, напрошивъ, полагали, что «наилучшее существоеть не вначалъ». *Arist. met. XIV. 4; XII. 7. I. 7; Stob. ecl. I. p. 380; cf. Diog. L. I. 119.*

И такъ нельзя признашь исторически досто-
вѣрнымъ ни одного преданія о источникахъ мудрости
Пифагора. Всего вѣроятнѣе, что онъ большею частью
познаній обязанъ былъ своему проницательному уму
и современному опечествленному образованію. У Гре-
ковъ тогда уже положены были прочныя основанія
Математики: вмѣстѣ съ нею они занимались астро-
номическими наблюденіями и рѣшеніемъ вопроса
о происхожденіи и космическомъ значеніи небес-
ныхъ тѣлъ. Музыка и Гимнастика считались сред-
ствами къ образованію духа и тѣла. Въ гномахъ
Поэтовъ и Мудрецовъ выражались правила нравствен-
ности. Религіозныя понятія все еще оставались
господствующими, и были способны къ дальнѣй-
шему развитію. Кто въ религіи находилъ средоточіе
всей умственной и нравственной дѣятельности
Пифагора, тотъ едва ли охотно повѣритъ его инозем-
ному образованію. Тѣ опыты мистическихъ умозрѣній,
какія находимъ у Грековъ около времени Пифагора,
служатъ яснымъ доказательствомъ того, что Фи-
лософія его образовалась изъ Эллинскихъ спихій:
Эпименидъ и *Эмпедоклъ* могутъ служить подтвер-
жденіемъ сему (1). Впрочемъ есть и сказанія, ко-

---

(1) *Эпименидъ* Критянинъ (изъ Кносса), современникъ семи
Греческихъ мудрецовъ, знаменитъ своими мистико-философскими
свѣдѣніями и чудными обстоятельствомъ своей жизни. Увѣряютъ,
что онъ, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ, заснулъ въ какой-ни

порья ведушь къ заключенію, что Пивагоръ свое ученіе о религіи почерпнулъ изъ Греческихъ источниковъ. Ибо кромѣ того, что его шайное ученіе нерѣдко поставляютъ на ряду съ Орфическимъ, ему приписываютъ также пушешествіе въ Кришь; увѣряють, что онъ посвященъ былъ въ таинства Идейской пещеры (1), а большую часть своихъ аскетическихъ правилъ, имѣвшихъ конечно характеръ религіозный, заимствоваль опъ Делфійской жрицы *Θεμιστοκλει* (2). Можно даже предполагать, что Пивагоръ, происходившій опъ Тирренскихъ *Пелазговъ*, славившихся приверженностью къ древней религіи (3), получилъ по преданію опъ своихъ предковъ

пещеръ, и пробудилась уже по прошествіи 40, а по другимъ, 57 лѣтъ, когда, естественнo, въ ошесть его многое измѣнилось. Посему *пробужденіе Эпименида* вошло въ пословицу. Говорятъ также, что душа его могла ошдѣляться опъ шѣла, и опять соединяться съ нимъ, когда угодно. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ однако ни одно не дошло до насъ. Diog. L. 106—15. Heinrich's Epimenides aus Kreta. Lpz. 1801. — *Эпимедокл* Сициліянинъ (изъ Агригенна), славившійся около половины пятаго вѣка до Р. Х., извѣстенъ изъ Исторіи школы Элейской.

(1) Jambl. v. P. 25; Porphyrt, v. P. 17; Diog. L. VIII. 3. Говорятъ, будто Пивагоръ былъ также въ *Спартѣ* (Jambl. v. P. 25) и *Делосѣ* (Diog. L. VIII. 13), и рассказываютъ довольно складную исторію о томъ, какъ онъ въ Фліусъ или Сикіонъ, первый назвалъ *философомъ*. Cic. qu. tusc. V. 3. Diog. L. I. 12.

(2) Aristoxen. ap. Diog. L. VIII. 8, 21; Porphyrt. v. P. 41.

(3) Clem. Alex. Strom. I. p. 300; Diog. L. VIII. 1; Porphyrt. v. P. I. cf. Pl. de leg. V. p. 738. Herodot. II. 50, 51.

священныя саги, и сдѣлалъ изъ нихъ употребленіе сообразное съ своими видами.

Изъ самаго названія *Оргій*, которое Геродотъ даетъ Пифагоровымъ учрежденіямъ, можно заключать, что Самосскій мудрецъ не всѣмъ открывалъ свое ученіе. Есть, впрочемъ, и достоверное преданіе, что Пифагорейцы строго держались правила — не всякому все сказывать (1). Пифагорейскія Оргіи извѣстны были и въ собственно такъ называемой Греціи; но особенно они распространились въ Греческихъ Италійскихъ колоніяхъ. О причинахъ, заставившихъ Пифагора удалиться въ сіи страны, есть различныя сказанія; но трудно рѣшить, которое изъ нихъ ближе къ истинѣ. Только то достоверно, что Пифагоръ изъ Самоса переселился въ *Кротону*, Ахейскую колонію. Это случилось, какъ увѣряють, на 40 году его жизни (2). Мы не намѣрены повсюду сказокъ о чудесахъ, которыми будшо сопровождалось его прибытіе въ Кротону, о чрезвычайномъ уваженіи, съ какимъ его приняли тамъ, о внезапномъ исправленіи нравовъ, которое онъ произвелъ въ новыхъ своихъ согражданахъ: замѣтимъ только, что Пифагоръ основалъ въ Кротонѣ, изъ своихъ послѣдователей, особое общество (3), суще-

---

(1) Aristoxen. ap. Diog. L. VIII. 15; Arist. ap. Jambl. v. P. 33.

(2) Aristoxen. ap. Porphyg. v. P. 9.

(3) Plat. de rep. X. p. 600.

ствовавшее довольно долгое время. Оно носитъ всѣ признаки союза *гастнаго*, и пошому повѣствованія позднѣйшихъ писателей, которые заставляють Пифагора измѣнять форму правленія не только въ Крошонѣ, но и въ другихъ Италійскихъ городахъ, не заслуживають довѣрія, хотя нельзя отвергать того, что Пифагоръ могъ внушать своимъ послѣдователямъ извѣстныя политическія правила, несогласныя съ господствовавшими. Увѣряють, что политическія начала его были аристократическаго духа (1). Это опчасши вѣроятно: участь, постигшая впослѣдствіи Пифагорейцевъ, равно какъ и духъ древней религіи, хранившійся въ ихъ Оргіяхъ, заставляють предполагать что нибудь подобное. Но нельзя повѣрить, чтобъ ихъ таинства имѣли только политическія цѣли: преданія, заслуживающія наибольшее довѣріе, средоточіемъ Пифагорейскаго союза поспавляютъ тайное Богослуженіе.

О постановленіяхъ Пифагорейскаго союза есть много сказаній, изъ кошорыхъ, впрочемъ, большая часть принадлежитъ позднѣйшимъ временамъ. Полному посвященію въ Оргіи, безспорно, предшествовали испытанія, или низшія посвященія: таковой порядокъ наблюдаемъ былъ, при принятіи въ члены, во всѣхъ подобнаго рода обществвахъ. Двумя обстоятельствомъ отличались испытанія Пифагорейскія: глава

---

(1) Diog. L. VIII. 3; Jambl. v. P. 257.

общества сперва внимательно разсматривали черты лица принимаемых въ оное (1); потомъ налагали на нихъ молчаніе (*ἔχεμυθία*) (2). Но трудно рѣшить, сколько времени продолжалось сіе молчаніе: сказанія Испориковъ слишкомъ разногласятъ. Можно повѣрить, что члены Пифагорова общества дѣлились на разряды, соотвѣстственно степенямъ посвященія въ таинства; но о названіяхъ сихъ разрядовъ ничего вѣрнаго сказать нельзя: раздѣленіе на *Эсотириковъ* и *Экзотириковъ* было въ подобныхъ случаяхъ самымъ употребительнымъ. Члены священныхъ обществъ во многомъ ссылались на авторитетъ своего главы: подобное обыкновеніе велось у Пифагорейцевъ, и отъ сего произошло ихъ *αὐτὸς ἔφα* (*самъ сказалъ*) (2). Въ таинствахъ Пифагорейскихъ могли участвовать и женщины. Члены общества вели одинаковый образъ жизни, имѣли одинаковыя занятія для упражненія силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Символическія изрѣченія, для насъ почти непонятныя (3), замѣняли собою

---

(1) Gell. noct. att. I. 9.

(2) Gell. I. I.; Jambl. v. P. 227.

(3) Въспомни изъ нихъ: вѣсовъ не пресупай; дошедши до предѣловъ не оборачивайся назадъ; лѣснаго кольца не носи; не смотри въ зеркало со свѣчею; не ѣшь сердца и мозга; воздерживайся отъ чернохвостыхъ (*μελανύρων*, названіе рыбы); не употребляй въ пищу бѣлаго пшеника; ласточекъ не принимай въ свой домъ; не говори, обороняясь лицомъ къ солнцу; на дорогѣ не руби; не

успавъ общества; изъ правилъ житейскихъ, ясно выраженныхъ, можешь быть, нѣкоторыя дошли до насъ въ такъ называемыхъ *золотыхъ стихахъ* (*χρυσὰ ἔπη*) Пифагора. Пифагорейцы имѣли общій споль (*συσσιτία*); въ выборѣ пищи руководствовались поспановленіями, данными самимъ Пифагоромъ: впрочемъ преданія о сихъ поспановленіяхъ въ подробностяхъ своихъ несогласны между собою (1). Наконецъ, у Пифагорейцевъ были особенные обряды при погребеніи членовъ общества (2). Позднѣйшіе Писатели увѣряють, что у нихъ введено было также общеніе имуществъ (3); но сему сказанію

ходи по большой дорогѣ; приноси жершву босой; сѣдалища не настирай масломъ; не поднимай, что упало со стола; не спи на гробницѣ: молись громко и проч. Vid. Jambli. protreptic. 21. —

(1) Одни говорятъ, что Пифагоръ, подражая Египтянамъ (Herod. II. 37), запретилъ употреблять въ пищу бобы (Diog. L. VIII. 34); а другіе, и именно Аристоксенъ, увѣряють, что Пифагоръ особенно рекомендовалъ ихъ (Gell. IV. 11.). Запрещеніе употреблять рыбную пищу производилъ также изъ Египта. Запрещеніе ѣсть мясо различно было объясняемо. Jambli. γ. P. 85. Diog. L. VIII. 26. Кажется, Пифагоръ не велѣлъ употреблять въ пищу помято нѣкоторыя внутренности животныхъ и нѣкоторые роды рыбы. Gell. I. 1. Diog. L. VIII. 19.

(2) Herod. II. 81. Посвященныкъ въ шайнства не позволялось погребать въ суконныхъ одеждахъ: *ἔτι γὰρ περὶ αὐτῶν ἰρὸς λῶυος λευόμενος.*

(3) Сіе преданіе произошло частію отъ того, что Пифагорейцы для общаго стола, безъ сомнѣнія, должны были давать что нибудь изъ своего имущества, частію же отъ того, что у нихъ было правиломъ: «у друзей все общее» — *ἐταίροτης ἰσότης.*

противорѣчать многія, заслуживающія большее вѣрояніе, повѣствованія, въ которыхъ упоминается о частной собственности Пифагорейцевъ.

Пифагорейскій союзъ можно почитать *ученымъ* обществомъ. Религія служила основою, Математика и Музыка связію всей ученой дѣятельности Пифагорейцевъ. Когда съ религіознымъ духомъ соединяется любовь къ ученымъ изслѣдованіямъ, тогда естественна пробуждается склонность къ любознательности: поему можно предполагать, что и въ школѣ Пифагоровой существовала какая нибудь Философія еще при жизни ея основателя. Но должно сознаться, что мы не знаемъ ничего о Философіи самого Пифагора: ибо нѣтъ изъ писателей, которые занимались критическимъ изслѣдованіемъ ученія древнихъ мыслителей (*Платонъ и Аристотель*), не усвоивъ ему ни одной философемы; а на рассказы писателей позднѣйшихъ нельзя полагаться, потому что они все, чему только когда либо учили Пифагорейцы, приписываютъ самому Пифагору. Можно только догадываться, что сѣмена философскихъ мыслей, раскрывшихся впоследствии въ школѣ Пифагора, посеяны были имъ самимъ.

Полагали, будто и самое раздѣленіе членовъ Пифагорейскаго союза на разряды имѣло ближайшее отношеніе къ Философіи; будто иныя философемы сообщаемы были только эсотерикамъ, другія и экзотерикамъ; а лицамъ, не принадлежавшимъ къ

союзу философское учение не было открываемо. Рассказывают по сему случаю несколько анекдотовъ о исключенныхъ изъ общества за нескромность, о бѣдственной участи, постигавшей тѣхъ, которые открывали спороннымъ лицамъ тайное учение. Но надобно замѣтить, что хотя древніе упоминаютъ о тайнствахъ Пифагорейскихъ, однако не о философскихъ (1). О тайной философіи Пифагорейской рассказываютъ писатели позднѣйшіе, спростные охотники до тайнъ. Тѣ мысли, которыя имѣли тѣсную связь съ Пифагорейскимъ Богослуженіемъ, могли быть хранимы въ тайнѣ; но скрывать истины учения, до которыхъ можешь доходить каждый посредствомъ размышленія, не было никакой причины. Естественно впрочемъ, что Философія Пифагорейцевъ дѣлалась извѣстною въ ихъ обществу по мѣрѣ того, какъ получала видъ опредѣльнаго знанія; а вначалѣ, сливаясь съ источникомъ своимъ, религиозными сагами, шла въ ихъ мистеріяхъ. Сія догадка подтверждается преданіемъ, которое утверждаетъ, что Пифагоръ и его первые ученики не оставили послѣ себя никакихъ письмен-

---

(1) *Аристоксенъ* (Diog. L. VIII. 15.) говоритъ только вообще, что у Пифагорейцевъ были тайнства. По свидѣтельству *Аристотеля* (ар. *Janab.* ч. Р. 31.), къ самымъ сокровеннымъ тайнамъ ихъ принадлежало учение, что существъ разумныхъ три рода: боги, человеки и среднія существа, къ которымъ причислялъ Пифагора.

ныхъ памятникѣвъ своего ученія (1), и что Пиеагорейская Философія сдѣлалась извѣстною въ Греціи уже довольно поздно.

Последнее обстоятельство имѣетъ связь съ исторіею Пиеагорейскаго союза. Повѣствуютъ, что Пиеагорейцы приобрѣли въ Крошонѣ значительную силу, и правленію дали почти аристокрашическій видъ. Ихъ вліяніе, враждебное особенно тиранніи, просперлось и на другія Греческія колоніи въ Италіи, на Сибарисъ, Мешапоншъ, Локры, Тареншъ. Около сего времени сдѣлался въ Сибарисѣ самовлаштишелемъ цѣшко *Телисъ*: и аристокрашы принуждены были удалиться въ Крошону. Потребовали выдачи ихъ; но Крошонцы, по совѣту Пиеагора, ошреклись исполнить требованіе. Возгорѣлась война. Крошонцы, подъ предводишельствомъ *Милона*, ученика Пиеагорова, разбили извѣженныхъ Сибарисѣвъ, и разрушили ихъ городъ. Но сія побѣда погубила Пиеагорейцевъ. При раздѣлѣ добычи возникъ споръ между ними и народною паршіей, коея главою былъ *Килонъ*, за дурной характеръ и развращенное поведеніе не приняшый въ Пиеагорейское общество. Онъ съ своими соумышленниками напалъ на Пиеагорейцевъ, которые собрались тогда въ домъ *Милона*, и избилъ большую часть ихъ. Пиеагоръ однако

---

(1) Plat. de Alex. fort. I. 4; Porphyg. v. P. 57; Diog. L. I. 16; VIII. 15; Galeñ. de Hipp. et Plat. plac. V. 6; Jambl. v. P. 199.

спася, и удалился въ Меттапонтъ. Но послѣку гоненіе на Пиеагорейцевъ вскорѣ распространилось и по другимъ городамъ, по и онъ не избѣгъ насильственной смерти (1). Впослѣдствіи Италійскіе Греки чтили память Пиеагора (2), и еще во времена Цицерона указывали въ Меттапонтъ мѣсто, на кошоромъ онъ умеръ (3).

Гоненіе, воздвигнутое на Пиеагорейцевъ, произвело большія смяшенія въ городахъ Италійскихъ. Мѣста Пиеагорейскихъ собраній вездѣ предаваемы были пламени, и первѣйшіе граждане изгоняемы, до тѣхъ поръ, пока не удалось Ахеянамъ примирить враждующія парціи, и ввести свой, демократическій образъ правленія (4). Безпокойства, разсѣявшія общество Пиеагорейцевъ, были, вѣроятно, причиною появления ихъ въ собственно такъ называемой Греціи. Впрочемъ, ихъ довольно осталось и въ Италіи, гдѣ вскорѣ опять пріобрѣли значительную силу въ дѣлахъ политическихъ.

О судьбѣ Пиеагорейской школы по смерти ея основателя мы имѣемъ довольно сказаній, кошорыя однако всѣ носятъ на себѣ признаки вымысла.

---

(1) Diod. Sic. XII. 9; Plut. de gen. Socr. 13; de repugn. Stoic. 37; Porphyг. v. P. 56; Jambl. v. P. 255.

(2) Arist. rhet. II. 23; Justin. XX. 4; Porphyг. v. P. 4; Jambl. v. P. 170.

(3) Cic. de fin. V. 2.

(4) Polyb. II. 39.

Мы имѣемъ также нѣсколько списковъ Пиеагорейцамъ; но въ нихъ исчисляюшся иногда шакія лица, которые не имѣли никакой связи съ Пиеагорейцами. Вообще, въ позднѣйшія времена стали назначать Пиеагорейской школѣ кругъ дѣйствованія, гораздо обширнѣйшій того, какой она дѣйствительно имѣла: причиною сего можно почитать частію суешность самихъ Пиеагорейцевъ, спаравшихся возвелчить свою школу усвоеніемъ ей всего именишаго, частію недалновидность ихъ, которые соучасшниковъ въ Пиеагорейскихъ Оргіяхъ смѣшивали съ послѣдователями Пиеагорейской Философіи, частію наконецъ обманчивое сродство между Италійскими и Пиеагорейскими флософами. Усилившаяся не задолго до Рождества Христова спрась къ шамншвенной и чудодѣйственной философіи, которую называли также Пиеагорейскою, породила множество сочиненій, безъ всякаго основанія усвоенныхъ древнимъ Пиеагорейцамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ дошли до насъ. Но критика новѣйшая доказала, или подтвердила, что сочиненія, приписываемыя *Тимею* и *Архиту* (1), подложны, и

---

(1) *Тимей*, родомъ изъ Локръ, почитаютъ современникомъ Сократа и наставникомъ Платона. Ему приписываютъ сочиненіе *περί φύσεως κόσμου καὶ φύσεως*, которое не что иное есть, какъ сокращеніе Платонова разговора, извѣснаго подъ названіемъ *Тимей*.— Заглавія и отрывки сочиненій, которые дѣкогда усвоены были

что книга *о естествомъ всего*, усвояемая *Окемму* (родомъ изъ Луканіи), написана по крайней мѣрѣ не Пифагорейцемъ (1). Равнымъ образомъ ошривки, приписываемые *Вронтику*, *Эврифаму* (2) и другимъ древнѣйшимъ Пифагорейцамъ, очевидно, подложны. Можно также доказать, что *Алкмеона*, современника Пифагорова, врача Кропонскаго (3), коего нѣкошорыя мнѣнія дошли до насъ, нельзя причислять къ Пифагорейцамъ. И *Гиппазъ*, *Экфантъ*, *Эмпедоклъ* не принадлежать къ разряду сихъ философовъ. Это можно было бы гораздо легче доказать, если бы мы имѣли Аристотелево сочиненіе о Пифагорѣ и Архипѣ: но и одно сравненіе оныхъ ошривковъ, изъ мнимыхъ Пифагорейскихъ сочиненій, съ пѣтми крашкими сказаніями о ученіи Пифагорейцевъ, кошорыя читаемъ у Аристотеля въ разныхъ мѣстахъ уцѣлѣвшихъ его швореній, доспащочно подшверждаетъ наши заключенія.

Архиту, можно находить въ разныхъ мѣстахъ Спосебевыхъ Школы: и языкъ и содержаніе оныхъ ошривковъ свидѣтельствуютъ о подлогѣ.

(1) Въ книгѣ *περί τῆς τῶ παντός φύσεως*, которую приписываютъ Окемму, ученику будто Пифагора, доказывалась вѣчность міра, и предлагаются кое-какія педагогическія наставленія. Языкъ, наполненный шерминами, заимствованными изъ сочиненій Платона и Аристотеля, обличаетъ позднѣйшее происхожденіе сего сочиненія.

(2) In metaph. Arist. ap. Brandis. de perdit. Ar. libr. p. 36.

(3) Arist. met. I. 5.

Повѣствованія о Пифагорейцахъ получаютъ характеръ исторической около временъ Сократа. Изъ сего періода извѣсны намъ чешыре или пять лицъ, принадлежавшихъ къ школъ Пифагорейской, именно *Филолай*, *Лизисъ*, *Клиній*, *Эриттъ* и *Архитъ*. О *Филолае*, *Эриттѣ* и *Архитѣ* упоминаетъ *Аристотель* (1); первый и послѣдній извѣсны также въ Исторіи политической. *Лизисъ* жилъ въ *Фивахъ* и былъ учителемъ *Эпаминонда* (2). Менѣе извѣстенъ *Клиній*; но тѣ немногія сказанія, какія мы имѣемъ о немъ, заслуживаютъ полное довѣріе (3). Что касается до времени, въ которое жили сии мужи, то знаемъ только, что *Филолай* былъ въ *Фивахъ* наставникомъ *Симміа* и *Кисита*, прежде нежели сии прибыли въ *Аѣны*, и сдѣлались слушателями *Сократа* (4); что *Лизисъ*, нѣсколько позже, былъ наставникомъ *Эпаминонда*, и, еще позже, *Архитъ* былъ современникомъ *Платона* и *Діонисія Младшаго*. По сямъ указаніямъ не трудно опредѣлить время, въ которое жили *Клиній* и *Эриттъ*,

---

(1) Met. VIII. 2. XIV. 5; probl. XVI. 10; rhet. III. 11; cf. Theophr. met. 3; Diog. V. 25.

(2) Corn. Nep. Epam. 2; Plut. de gen. Socr. 13.

(3) Jambl. v. P. p. 239, 266. Aelian. v. h. XIV. 23. Basil. de leg. Gr. libr. 179; Serm. XIII. p. 549. ed. Paris.

(4) Plat. Phaed. p. 61. Bekk (Philolaos des Pythagoreers Lehren u. s. w.) помещаетъ *Филолая* между 70 и 95 *Олимп.*

пошому чшо они имѣди связи съ которымъ нибудь изъ шѣхъ проихъ. Можно опчасти довѣрять преданію, что Филолай, Клиній и Эвриштъ, съ пѣкошорѣми другими, были учениками *Арезы*, кошорый въ Италіи преподавалъ Пиеагорейскую Философію (1). Хотя допустивъ сіе, мы должны будемъ согласиться, что Пиеагорейское ученіе приведено въ систему вѣкомъ ранѣе того времени, ошъ кошораго перешло къ намъ: но мы знаемъ его только въ шомъ видѣ, какой дали ему Филолай, Эвриштъ и Архистъ. Ибо хотя одинъ дошедшій до насъ ошрывокъ носить имя *Арезы* (2), однако изъ самаго сго содержанія видно, что онъ подложный. Кромѣ того, ни одинъ Писатель не говоритъ, чшобы *Ареза* оставилъ послѣ себя какое либо сочиненіе, а напротивъ есть преданіе, заслуживающее всякое вѣрояшіе, что *Филолай*, или другой какой нибудь современный ему Пиеагореецъ, первый предалъ письмени ученіе своей школы (3). Изъ пяти вышеисчисленныхъ Пиеагорейцевъ, кажся, и *Лизисъ* съ *Клиніемъ* ничего не писали (4). То же должно сказать о *Эвриштѣ*: ибо, если вѣрять древнему

---

(1) Lambl. v. P. 266.

(2) Stob. ecl. I. p. 846.

(3) См. Восска's Philol. S. 16. f.

(4) Ошрывки, приписываемые *Клинію*, весьма сомнительны.

свидѣтельству, ученіе ѣго изложилъ *Архитъ* (1), который дѣйствительно оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій, хотя ни одно изъ нихъ не уцѣлѣло до нашихъ временъ. Напрошивъ шого, изъ Филолаева сочиненія о природѣ сохранилось нѣсколько отрывковъ, коихъ подлинность доказалъ *Бёккъ* (2). Ученіе, содержащееся въ нихъ, во всемъ согласно съ сказаніями Платона и Аристотеля, и другихъ дословѣрныхъ свидѣтелей, о догматахъ Пифагорейскихъ.

Исторія изображаетъ намъ сихъ Пифагорейцевъ вообще людьми честными, жизни неукоризненной. Доказательствомъ шого, что они имѣли сильное вліяніе на современные нравы и просвѣщеніе, могутъ служить сказанія объ *Архитѣ*. Сей мужъ, именитѣйшій гражданинъ Тарента, шесть или семь разъ бѣвшій Спрашигомъ, ни разу не побѣжденный, пользовавшійся заслуженнымъ уваженіемъ своихъ согражданъ, ошличавшійся скромностію и особенно умѣнемъ укрощать порывы своего гнѣва, съ благоразуміемъ и глубокимъ познаніемъ чловѣка соединявшій дѣтскую простоту нравовъ, при всемъ развлеченіи многочисленными домашними

---

(1) Theophr. l. 1.

(2) Philolaos des Pythagoreers Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes, von August Boeckh. Berlin. 1819.

и обществеными дѣлами, находилъ еще довольно времени для ученыхъ занятій. Машемашика была любимую его наукою (1). Открытія, сдѣланныя имъ въ Механикѣ, доказываютъ, что онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія какъ въ теоретической, такъ и практической ея части (2). На его теорію Музыки долго ссылались позднѣйшіе писатели (3). Кромѣ сего, онъ оставилъ послѣ себя сочиненіе о землѣдѣліи (4). И о философическомъ его ученіи есть немало преданій; но поелику мы читаемъ ихъ у позднѣйшихъ писателей, то они едва ли не извлечены изъ сочиненій подложныхъ: по крайней мѣрѣ нѣтъ философическихъ опривковъ, которые нынѣ носятъ ими Архиса, нельзя признашь произведеніемъ его.

О мѣстѣ распространенія Пифагорейской Философіи, въ послѣдній періодъ ея существованія, можно судить по мѣсту рожденія и жительства яши вышеупомянутыхъ Пифагорейцевъ. *Филолай*, по свидѣтельству большей части писателей, былъ родомъ изъ Тарента, а по свидѣтельству Діогена Лаертія, изъ Крозоны. Онъ, какъ выше упомяну-

---

(1) Diog. L. VIII. 83; Vitruv. IX. 3.

(2) Diog. L. I. 1.; Arist. probl. XVI. 10; polit. VIII. 6; Gell. X. 12.

(3) Ptolem. harm. I. 5, 13; Boeth. de mus. V. 16.

(4) Varro de re rust. I. 1; Colum. I. 1.

по было, училь въ *Фивахъ*, но, кажется, не долго (1): ибо мы встрѣчаемъ его также въ *Гераклеѣ* (въ *Луканіи*) (2), гдѣ жилъ и *Клиній*, Тареншинець. *Эвритъ*, Крошонецъ или Тареншинець, жилъ въ *Мешапоншѣ*. *Лизисъ*, Тареншинець, училь въ *Фивахъ*, но прежде, кажется, провелъ нѣсколько времени въ *Пелопонесѣ* (3). Послѣдними Пифагорейцами счисляются *Ксенофилъ*, родомъ изъ *Халкиды Фракійской*, *Фантонъ*, *Эхекратъ*, *Диоклъ* и *Полимнастъ*: всѣ изъ *Фліуса*. Съ ними знакомъ былъ *Аристоксенъ*, ученикъ *Аристотелъ* (4); изъ чего можно заключать, что они жили въ собственно такъ называемой *Греціи*.

Ошь Пифагорейцевъ - *Философовъ* должно оплещать Пифагорейцевъ - *распространишелей* въ *Греціи* разнаго рода суевѣрій (5). Хошя сказанія о такомъ злоупотребленіи Пифагорейскихъ *Оргій* (ибо если не всѣ, то большую часть оныхъ суевѣрій должно производить изъ сего источника) не очень древни, пошому что начинають появляться во времена *Цицерона*: однако если сообразить, что вообще

---

(1) Plat. Phaed. p. 61.

(2) Iambl. v. P. 266; Plut. de gen. Socr. 13.

(3) Iambl. v. P. 250.

(4) Diog. L. VIII. 46; Iambl. v. P. 251.

(5) Къ числу сихъ мнимыхъ послѣдователей Пифагора относятся: извѣстный *Аполлоній Тианскій*, *Нисидій Фигулъ*, современникъ *Цицерона*, *Анаксилай*, *Жантъ Секстій*, *Сотіонъ*, *Секундъ* и др.

именно около сего времени усилилось суевѣріе; что оно весьма легко могло привиться къ мистеріямъ Пифагорейскимъ; что даже въ нихъ самихъ шло зародышъ суевѣрія, и что слѣды искаженія Пифагорейскаго ученія мы находимъ еще ранѣе времени Цицерона (1), то по всѣмъ правамъ можно будешь допустить, что и въ древней Пифагорейской школѣ были такія лица, которыя, пользуясь набожностью народа, поспѣвали и пипали въ немъ довѣріе къ ихъ свидѣніямъ въ чародѣйствѣ и инымъ сношеніямъ съ невидимымъ міромъ (2). Очень вѣроятно также, что распространенію суевѣрія много способствовали сочиненія, считавшіяся Пифагорейскими, каковы священное слово (*ισος λυος*) и *нишествіе во адъ* (*κατάβασις εἰς ᾗδου*): ихъ еще во времена Августа признавали произведеніемъ не самого Пифагора, но древнихъ Пифагорейцевъ *Кекропса* и *Вронтика* (3). Посему не всегда можно полагаться и на древнѣйшихъ свидѣтелей, когда они какія либо мѣнія приписываютъ Пифагорейцамъ; ибо подъ сими они могли разумѣть Пифагорейцевъ не Философовъ, но суевѣрныхъ мечшателей.

Если основаніе Пифагорейской Философіи положено самимъ Пифагоромъ, то, безъ сомнѣнія, она

---

(1) Athen. IV. p. 161; Diog. L. VIII. 37, 38.

(2) Lobeck de Pythagoreorum sententiis mysticis diss. II. p. 8.

(3) Diog. L. VIII. 7. c. not. Men.

имѣла различные періоды своего развитія. Но такъ какъ первые Пифагорейцы, до Филолая, ничего не писали о своей Философіи, то намъ не столько известно начало ея, сколько окончаніе. Можно также спросить: не образовалось ли и въ Пифагорейской школѣ, подобно тому какъ было въ Іонійской, существенно различныхъ направленій, и подь Пифагорейскою Философіею не должно ль разумѣть нѣсколькихъ системъ, сходныхъ по духу, но различныхъ по основнымъ мыслямъ? Въ Пифагорейской Философіи, дѣйствительно, замѣсны различныя направленія; но они не такъ противоположны одно другому, чшобъ нельзя было подвесить ихъ подь одинъ общій взглядъ. Въ семъ отношеніи Пифагорейцевъ можно сравнивать не съ Іонійцами, но съ Элейцами, которые также одну основную мысль своего ученія раскрывали съ различныхъ споронъ. Единство основной мысли поддерживалось между Пифагорейцами самымъ устройствомъ ихъ союза. Ибо если и не во всѣхъ отношеніяхъ можно довѣрять сказанію, что они изгоняли изъ своего общества опшщупниковъ отъ ихъ ученія: все по крайней мѣрѣ можно догадываться, что они строго наблюдали за единообразіемъ и чистотою своихъ догматовъ.—Въ подтвержденіе того предположенія, что между Пифагорейцами господствовало разногласіе въ мнѣніяхъ, обыкновенно ссылающся на Аристошеля: онъ иногда говоритъ, что *нѣкоторые*

Пифагорейцы были того или другого мнѣнія. Но сіе выраженіе Аристотель употребляетъ большею частію тогда, когда идешь рѣчь о какихъ нибудь несущественныхъ пунктахъ Пифагорейскаго ученія (1); а если иногда говоришь такимъ же образомъ, разсуждая и о главномъ ихъ ученіи (2), то, очевидно, подъ нѣкоторыми разумѣешь тогда истинныхъ, и ему извѣстныхъ, Пифагорейцевъ, прошивополагаая ихъ Пифагорейцамъ малоизвѣстнымъ, можешь быть мнимымъ. Кромѣ сихъ двухъ случаевъ есть еще третій: иногда Аристотель, усвоая *нѣкоторымъ* Пифагорейцамъ мнѣнія довольно значительныя, опредѣлительно опличаетъ ихъ отъ Пифагорейцевъ разномыслящихъ съ ними (3). Сего рода мѣста могли бы обязать историка Пифагорейской Философіи указать ея несходныя направленія, если бы сіи не всѣмъ Пифагорейцамъ усвоеныя мнѣнія, не были только дальнѣйшимъ и подробнѣйшимъ раскрытіемъ ученія о прошивоположенностяхъ въ мірѣ, общаго всѣмъ Пифагорейцамъ. Изъ послѣдняго обстоятельства мы выводимъ только то заключеніе, что Пифагорейское ученіе о прошивоположенностяхъ въ мірѣ получило опредѣленную форму уже въ позднѣйшее время.

---

(1) Meteor. I. 6, 8; de anim. I. 2; de sensu et sensil. 5.

(2) De coelo III. 1.

(3) Met. I. 5.

Аристопель, самый надежный руководитель въ изслѣдованіяхъ о ученіи Пифагорейцевъ, очевидно (если брать во вниманіе не нѣкоторыя только, но всѣ его показанія и сужденія о ихъ системѣ) разсматриваетъ оное, какъ одно цѣлое, которое онъ всегда противоположаетъ какъ Іонійской и Элейской, такъ и Платоновой Философіи. Замѣчательно и по обстоятельству, что Аристопель весьма рѣдко указываетъ лично на какого либо Пифагорейца. Кажется, всѣ свѣдѣнія, какія имѣли древніе о Философіи Пифагорейской, заимствованы ими, главнымъ образомъ, изъ сочиненій Филолая и Архипа; и изъ философскихъ мнѣній послѣдняго не многія у нихъ приводятся. Посему намъ шѣмъ болѣе нѣтъ возможности — исторически обозначить всѣ поспешности и всѣ направленія Пифагорейской Философіи.

II.

УЧЕНИЕ ПИФАГОРЕЙСКОЕ.

.....

Въ изложеніи Пифагорейскаго ученія мы будемъ преимущественно слѣдовать сказаніямъ Аристотеля и другихъ древнихъ писателей. Позднѣйшими свидѣтельствами мы будемъ пользоваться съ крайнею осмотрительностью. Ибо въ писателяхъ жившихъ вскорѣ по Р. Христовѣ, кромѣ обыкновенной непочности, замѣчается еще пошль важный недостатокъ, что они смѣшиваютъ самыя разнородныя мнѣнія. Сіе произошло отъ того, что они частію обмануты были подложными сочиненіями, частію не умѣли отличать ученія новѣйшихъ Пифагорейцевъ отъ древняго Пифагоризма, съ которымъ первое имѣло только наружное и мнимое сходство. Нелегко отличать въ позднѣйшихъ сказаніяхъ мнѣнія, принадлежащія древнему Пифагорейскому ученію, отъ чуждой ему примѣси; но едвали не гораздо большее затрудненіе представляютъ символическія выраженія, которыя употребляли Пифагорейцы для означенія своихъ мыслей: ибо символъ никогда вполнѣ не соотвѣдствуетъ означаемому предмету, и пошму можно понимать его различнымъ образомъ. Сами Пифагорейцы иногда одному и шому же символу

давали различныя значенія; и не всегда можно угадашь, въ какомъ именно смыслѣ принимали они извѣстное слово, въ шомъ или другомъ выраженіи.

Самую формулу, въ кошорой они выражали главную мысль своего ученія: *число есть сущность* (*ἔσται*), или *начало* (*ἀρχή*), *всѣхъ вещей*, очевидно, должно понимашь въ символическомъ смыслѣ. Спрашивается: что они разумѣли подъ *числомъ*, когда называли оное началомъ всего? Ясно шолько, что въ семь предложеніи говоривша не о матеріи вещей, но о формѣ, и пришомъ математической. Последнее обстоятельство Аристотель объясняешь привязанностью Пифагорейцевъ къ Математикѣ. Если его сужденіе справедливо, то Пифагорейское ученіе можно причислишь къ разряду шѣхъ системъ, кошорыя одолжены своимъ бытіемъ приспращію къ одной какой либо мысли или наукѣ, и въ кошорыхъ, для подшверженія мнѣній, иногда прибѣгають къ самымъ неестественнымъ объясненіямъ и выводамъ. И кромѣ Пифагорейской, есть много теорій, кошорыя спараются все подвешь подъ число и мѣру, и по какой-шо наклонности человеческого духа къ чудесному, въ фигурахъ и числахъ видяшь глубокія таинства. Во всѣхъ подобнаго рода теоріяхъ доказательства ушверждаются большею частію на фантастическихъ, мнимыхъ аналогіяхъ. Посему и о Пифагорейцахъ Аристотель говоритъ, что они ошѣскали множество сходствъ между числами

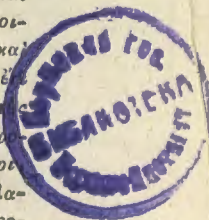

и вещами (1). Думать надобно, что Пифагорейцы, для сообщенія большаго правдоподобія своему ученію, указывали на тѣ явленія, въ кошорыхъ замѣчается численная правильность, и не всегда довольствовались чистою истиною, но иногда прибѣгали къ вымыслу.

Есть и другія, подобныя вышеприведенной, формулы, въ кошорыхъ Пифагорейцы выражали свое числительное ученіе. Прежде всего можно обратишь вниманіе на то, что они началомъ вещей называютъ иногда *число*, иногда *числа* или *стихія*

(1) Arist. met. I. 5. *οἱ καλέμενοι Πυθ. τῶν μαθημάτων ἀψάμενοι πρῶτοι ταῦτα προήγαγον καὶ ἐντραφέντες ἐν αὐτοῖς τὰς τέτων ἀρχὰς φήθησαν εἶναι πάντων. ἐπεὶ δὲ τέτων οἱ ἀριθμοὶ φύσει πρῶτοι, ἐν δὲ τέτοις ἐδόκιν θραεῖν ἰμοιώματα πολλὰ τοῖς ἔσι καὶ γιγνομένοις, μᾶλλον ἢ ἐν πυρὶ καὶ γῆ καὶ ὕδατι, ὅτι τὸ μὲν τοιονδὶ τῶν ἀριθμῶν πάθος δικαιοσύνη, τὸ δὲ τοιονδὶ ψυχῆ καὶ νῆς, ἕτερον δὲ καιρὸς καὶ τῶν ἄλλων ὡς εἰπεῖν ἕκασον ὁμοίως. ἐπεὶ δὲ τῶν ἀρμονικῶν ἐν ἀριθμοῖς ὄρωντες καὶ τὰ πάθη καὶ τὰ λόγους, ἐπειδὴ τὰ μὲν ἄλλα τοῖς ἀριθμοῖς ἐφαίνετο τὴν φύσιν ἀρμονιοῦσθαι πᾶσαν, οἱ δὲ ἀριθμοὶ πάσης τῆς φύσεως πρῶτοι, τὰ τῶν ἀριθμῶν στοιχεῖα τῶν ὄντων στοιχεῖα πάντων εἶναι ὑπέλαβον καὶ τῶν ὄλων ἑρανὸν ἀρμονίαν εἶναι καὶ ἀριθμὸν κτλ. Непротивѣ Кассіодорѣ производитъ Пифагорейское ученіе изъ другаго источника. Онъ говоритъ (de artibus ac disciplinis litterarum liberalium c. 4. p. 584 a. 2. томъ, edit. Garet): Propterea hic fons et mater arithmetica reperitur, quam disciplinam Pythagoras sic laudasse probatur, ut omnia sub numero et mensura a Deo creata fuisse memoret, credo trahens hoc initium, ut multi philosophorum fecerunt, ab illa sententia prophetali, quæ dicit, omnia Deum mensura, numero et pondere disposuisse. Подобнымъ образомъ судитъ Клавдіанъ Мамертѣ (de statu animæ II. 3).*

132-909

числа. Сии выражения имѣюшь неодинаковъй смѣслъ; какъ должно понимашь ихъ, увидимъ изъ слѣдующаго.

Начнемъ съ выраженія: *число есть начало вещей*. Въ ошривкахъ Филолаева сочиненія о природѣ, нерѣдко упоминаеяся о *сущности числа* (1): нѣшь сомнѣнія, что подѣ нею должно разумѣшь число, разсмашиваемое само въ себѣ. Далѣе, число, по ученію Пифагорейцевъ, содержишь въ себѣ двѣ составныя часши: *четь* и *нечетъ*. Слѣдшвенно, число ешь соединеніе сихъ прошивоположностей, ешь четъ и вмѣстѣ нечетъ. Но Пифагорейцы говорили, что и *единое* ешь четъ и нечетъ. Слѣдшвенно, *единое*, *сущность числа*, и просто *число*—одно и шо же (2). Число, само въ себѣ, у нихъ ешь начало всѣхъ числъ, и пошому называется

(1) Boeckh's Philolaos etc. N. 18.

(2) Arist. I. I. φαίνονται δὲ καὶ ἔτσι τὸν ἀριθμὸν νομίζοντες ἀρχὴν εἶναι καὶ ὡς ὕλην τοῖς ἡσὶ καὶ ὡς πάθη τε καὶ ἕξεις, τῷ δὲ ἀριθμῷ στοιχεῖα τὸ τε ἄρτιον καὶ τὸ περιττόν, τῶν δὲ τὸ μὲν πεπερασμένον, τὸ δὲ ἄπειρον, τὸ δὲ ἐν ἐξ ἀμφοτέρων εἶναι τῶν (καὶ γὰρ ἄρτιον εἶναι καὶ περιττόν), τὸν δ' ἀριθμὸν ἐκ τῶ ἐνός.— οἱ δὲ Πυθ. δύο μὲν τὰς ἀρχὰς κατὰ τὸν αὐτὸν εἰρήχασι τρόπον, τοῦτον δὲ προστέθεισαν, ὃ καὶ ἰδίον αὐτῶν ἐστίν, ὅτι τὸ πεπερασμένον καὶ τὸ ἄπειρον καὶ τὸ ἐν ἐξ ἑτέρας τινῶς φήθησαν εἶναι φύσει, οἷον πῦρ ἢ γῆν ἢ τι τοῖετον ἕτερον, ἀλλ' αὐτὸ τὸ ἄπειρον καὶ αὐτὸ τὸ ἐν ὁσίαν εἶναι τῶν, ὡν κατηγορεῖνται, διὸ καὶ ἀριθμὸν εἶναι ὁσίαν πάντων. Аристотель, слѣдую Пифагорейцамъ, посправляетъ ἄρτιον вмѣсто ἄπειρον, πεπερασμένον, или πέρας, вмѣсто

первымъ единымъ, самобытнымъ и независимымъ (1). Такимъ образомъ слова: *число есть начало вещей*, имѣють слѣдующій смыслъ: *все произошло изъ первобытнаго единого, изъ одного существа. Сие существо есть Богъ, «вождь и начальникъ всего, единый присносущный»* (2).

Для выраженія сей основной мысли своего ученія Пифагорейцы упошребляли и другія формулы. Такъ Филолай говоритъ, что «число есть верховный и самородный союзъ вѣчнаго пребыванія всѣхъ вещей»

πρωτόν и вмѣсто *ἓν*, и наоборотъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ и *ἀριθμός* употреблено вмѣсто *ἓν*: слѣдственно *ἓν* у Пифагорейцевъ 1) означало единицу, предспавительницу нечетнаго числа, и 2) шо единое, въ которомъ совмѣщается четъ и нечетъ. — Въ послѣднихъ спровахъ сокращенно изложено слѣдующее умозаключеніе: «Единство и неопредѣленность составляютъ сущность того, чему они приписываются, или о чемъ сказуются; но единство и неопредѣленность можно приписывать всему: слѣдственно все есть единое и неопредѣленное. Но единое и неопредѣленное, или четъ и нечетъ суть число: слѣдственно все число.» — Подтвержденіемъ сказанному въ текстѣ служитъ еще слѣдующее мѣсто: Philol. ap. Stob. I. p. 456. ὅ γα μὲν ἀριθμὸς ἔχει δύο μὲν ἴδια εἶδη, περισσὸν καὶ ἄρτιον, τρίτον δὲ ἀπ' ἀμφοτέρων μυχθέντων ἀρτιπερίσσοι.

(1) Arist. met. XIII. 6. ὅπως δὲ τὸ πρῶτον ἓν σύνεσι ἔχον μέγεθος ἀπορεῖν εἰκόμασι. — ὅσοι τὸ ἓν στοιχείον καὶ ἀρχὴν φασὶν εἶναι τῶν ὄντων. Cf. ib. XIV. 3. Philol. apud Jambl. ad Nic. arithm. p. 109.

(2) Phil. de mundi opif. p. 24. ἐντὶ γὰρ φησιν (Φιλολ.) ὁ ἀγεμῶν καὶ ἄρχων ἀπάντων θεός, εἰς αἰεὶ ἓν.

(1). Далѣ, Пифагорейцы учили, что *сущность числа* содержится въ *десяпкѣ*. Въ семь выраженіи заключается та же мысль; ибо если, по ихъ мнѣнію, единица есть начало множества, а всякое число, или множество, по десятичной системѣ, основывается на десятипкѣ: то десятипкѣ и единица равно могутъ быть символами начала всѣхъ вещей. Посему они говорили, что «десяпкѣ полагаешь предѣлы каждому числу, вмѣщая въ себѣ все естество, — чепъ и нечепъ, движущееся и неподвижное, добро и зло» (2); что «о дѣйствіяхъ и сущности числа надлежитъ судить по той силѣ, которая заключается въ десятипкѣ: она велика и всесовершенна и вседѣтельна, начало и вождь и божеской и небесной жизни, и человеческой» (3). Пифагорейцы употребляли также для означенія сущности числа символъ *тетверицы*, которую называли великою, «корнемъ и источникомъ присношекущаго естества» (4). Подъ великою

---

(1) Jambl. ad Nic. arithm. p. 11. Φιλόλαος δὲ φησὶν ἀριθμὸν εἶναι τῆς τῶν κοσμικῶν αἰωνίας διαμονῆς τὴν κρατιστεύσαν καὶ αὐτογενῆ συνοχήν.

(2) Theon Smyrn. Plat. math. I. 49.

(3) Philol. ap. Stob. ecl. I. p. 8. Θεωρεῖν δεῖ τὰ ἔργα καὶ τὰν ἐστίαν τῷ ἀριθμῷ κατὰν δύναναι, ἅτις ἐστὶ ἐν τῇ δεκάδῃ. μεγὰλα γὰρ καὶ παντελής καὶ παντοεργός καὶ θεῖω καὶ ἑρνια βίω καὶ ἀνθρωπίνῳ ἀρχὰ καὶ ἀγεμών.

(4) Carm. v. 47. Jambl. v. P. 162.

ἢ μὰ τὸν ἀμετέρεα γενεῶν παραδόντα τετρακτύν,
κατὰν ἀεγῶν φύσεως εἰζωμά τ' ἔχουσαν.

четверицею они могли разумѣть или сумму первыхъ чепырехъ числъ, по ешь, десяпокъ, или сумму первыхъ чепырехъ чешныхъ и первыхъ чепырехъ нечешныхъ числъ, по ешь, 36 (1); но существенное не въ символѣ, а въ томъ, что подъ символомъ разумѣется. Наконецъ, и число *три* они называли *числомъ всего* или *цѣлаго*, по той причинѣ, что въ немъ ешь начало, середина и конецъ (2). Всѣ сїи символы выражаютъ одну и ту же мысль, именно: *единица, содержащая въ себѣ вмѣстѣ множество, ешь начало всѣхъ вещей*. Первая единица, десятица, чепверица, шроица, суть различныя названія одной и той же исходной единицы.

Въ сущности числа, или первомъ единомъ, содержится всѣ числа, начала или первая стихии числъ, и начала всей природы. Начала числъ суть *геть* и *негеть*, а посему и первое единое ешь *геть* — *негеть*. (Нѣкоторые Пифагорейцы доказывали сїе тѣмъ, что когда приложимъ единицу къ чешному числу, то получимъ нечешъ; а когда придадимъ къ нечешному, то выдешъ чешъ (3).) Начала природы, или всего міра, исчислены въ слѣдующей таблицѣ противоположныхъ понятій, которую передалъ намъ Аристошель:

---

(1) Plat. de Isid. et Os. 75; de anim. procr. 30.

(2) Arist. de coelo. I. 1.

(3) Arist. ap. Theon. Smyrn. I. 5.

Предѣль (граница) и неопредѣленное (неограни-
ченное),

Нечетъ и четъ,

Единое и многое,

Правое и лѣвое,

Мужское и женское,

Покоющееся и движущееся,

Прямое и кривое,

Свѣтъ и мракъ,

Доброе и худое,

Квадратъ и продолговатый четырёхугольникъ (1).

Замѣчательно, что между противоположными понятиями, исчисленными, въ сей таблицѣ, поставлено и верховное Пифагорейское начало, основаніе всѣхъ противоположностей — *единое*, которому въ ней противопоставляется *многое*, какъ не содержащееся въ *единомъ*. Изъ сего видно, что слова *единое* и *начало* Пифагорейцы принимали въ двухъ значеніяхъ: подъ нимъ разумѣли они, *во-первыхъ*, верховное начало всего, превышшее всѣхъ противоположностей, и совмѣщающее въ себѣ всѣ противоположности; *во-вторыхъ*, начало подчиненное,

---

(1) Arist. met. I. 5. ἕτεροι δὲ τῶν αὐτῶν τέτων τὰς ἀρχὰς δέκα λέγουσιν. εἶναι γὰρ κατὰ συστοιχίαν λεγόμενας πέρας καὶ ἀπειρον, περὶτον καὶ ἄρτιον, ἓν καὶ πλῆθος, δεξιὸν καὶ ἀριστερόν, ἄρρεν καὶ θῆλυ, ἡρεμῶν καὶ κινέμενον, εὐθύ καὶ κάμπυλον, φῶς καὶ σκότος, ἀγαθὸν καὶ κακόν, τετράγωνον καὶ ἑτερόμηκες.

производное, который нибудь одинъ изъ двухъ взаимно противоположныхъ членовъ (1). Нышъ сомнѣнiя и въ помѣ, что противоположные члены имѣють неодинаковое достоинство : ибо по производное начало, которое соименно основному началу, конечно, совершеннѣе другаго производнаго начала, противоположнаго ему; а посему по же надлежишь разумѣть и о прочихъ противоположно-стяхъ, и вообще надобно полагать, что членъ, споящiй на первомъ мѣстѣ, означаетъ у Пифаго-рейцевъ лучшее, совершеннѣйшее, а поставленный

(1) Simpl. phys. Fol. 39 a. γράφει δὲ περὶ τῶν ὁ Εὐδώρος τὰς· κατὰ τὸν ἀνωτάτω λόγον φατέον, τὰς Πυθαγορικὰς τὸ ἐν ἀρχῇ τῶν πάντων λέγειν· κατὰ δὲ τὸν δευτέρου λόγον δύο ἀρχὰς τῶν ἀποτελεσμένων εἶναι, τὸ τε ἐν καὶ τὴν ἐναντίαν κατὰ φύσιν· ὑποτάσσονται δὲ πάντων τῶν κατὰ ἐναντίωσιν ἐπινοημένων τὸ μὲν ἀσείτον τῷ ἐνί, τὸ δὲ φαῦλον τῇ πρὸς τῆτο ἐναντιομένη φύσει· διὸ μὴδὲ εἶναι τὸ σύνολον ταύτας ἀρχὰς κατὰ τὰς ἀνδρας· εἰ γὰρ ἢ μὲν τῶνδε, ἢ δὲ τῶνδε ἐστὶν ἀρχή, διὰ εἰσὶ κοινὰ πάντων ἀρχαί, ὥσπερ τὸ ἐν· καὶ πάλιν· διὸ φησι καὶ κατὰ ἄλλον τρόπον ἀρχὴν ἔφασκεν εἶναι τῶν πάντων τὸ ἐν, ὡς ἂν καὶ τῆς ὕλης καὶ τῶν ὄντων πάντων ἐξ αὐτῆ γεγεννημένων, τῆτο δὲ εἶναι τὸν ὑπεράνω Θεόν. Καὶ λοιπὸν ἀκριβολογούμενος ὁ Εὐδώρος ἀρχὴν μὲν αὐτὰς τὸ ἐν τίθεσθαι λέγει, στοιχεῖα δὲ ἀπὸ τῆ ἐνὸς γενέσθαι φησὶν, ἃ πολλοῖς ὀνόμασι αὐτὰς προσαγορεύειν· λέγει γὰρ· φημι τοίνυν, τὰς περὶ τὸν Πυθαγόραν τὸ μὲν ἐν ἀρχὴν πάντων ἀπολεπεῖν, κατ' ἄλλον δὲ τρόπον δύο τὰ ἀνωτάτω στοιχεῖα παρεισάγειν, καλεῖν δὲ τὰ δύο ταῦτα στοιχεῖα πολλαῖς προσαγορεύαις· τὸ μὲν γὰρ αὐτῶν ὀνομάζεται τεταγμένον, ὠρισμένον, γνωστόν, ἄφθρον, περιττόν, δεξιόν, φῶς· τὸ δὲ ἐναντίον τῷ ἄτακτον, ἀήριστον, ἄγνωστον, θῆλυ, ἄρτιον, ἀριστερόν, σκότος.

на вшоромъ, худшее, менѣе совершенное. Древнiе дѣйствительно первый рядъ называющъ рядомъ добраго (1), вшорой рядомъ худаго (2); первый, по ихъ мнѣнiю, исчисляешъ понятiя утвердительныя, вшорой *лишительныя* (3). Главная же мысль, выражаемая сею таблицею, естъ слѣдующая: *въ мiрѣ все состоитъ изъ совершеннаго и несовершеннаго.*

И по замѣшишь должно, что нельзя, основываясь на сей таблицѣ, приписать Пифагорейцамъ ученiя, что мiръ слагается изъ двадцати началъ: ибо всѣдесять противоположностей выражающъ одну и ту же противоположность. Сiе видно изъ того, что понятiя, поставленныя на первомъ мѣстѣ, Пифагорейцы часто употребляютъ одно вмѣсто другаго, какъ понятiя однозначасiя; напримѣръ, *предѣлъ, негеть, покоящееся, свѣтъ, добро*, они употребляютъ вмѣсто *единицы*; равнымъ образомъ *неопредѣленное, теть, движущееся, мракъ, зло*, они спавяшъ вмѣсто *многаго*. Невѣроятно, чтообъ такое множесство выражений, одинаковыхъ по внутреннему значенiю, но различныхъ по вѣшнему виду, не затрудняло иногда самихъ Пифагорейцевъ; но глав-

---

(1) Arist. eth. Nic. I. 4.

(2) Eudor. I. 1.

(3) Phys. III. 2. τῆς ἑτέρας συστοιχίας αἱ ἀρχαὶ διὰ τὸ σπῆτι-
καὶ εἶναι ἀόριστοι. Cf. Simpl. ad h. l. fol. 98.

ный характеръ ихъ языка, символизмъ, видѣнь здѣсь во всей ясности.

Можно и другой смыслъ находишь въ томъ, что Пифагорейцы свое верховное начало, *единое*, поставили въ ряду началъ производныхъ. Они, кажется, хошѣли эфимъ сказать, что верховное начало всѣхъ вещей не опредѣляется ошь міра. На сію мысль есть намекъ у Аристотеля, который говоришь, безъ всякаго ограниченія, что число, или Единое, по мнѣнію Пифагорейцевъ, есть начало и вмѣстѣ сущность всѣхъ вещей. Можно также находишь подтвержденіе на нее въ слѣдующихъ словахъ Филолая: «Вѣчная сущность вещей и природа можеть бышь познаваема шокмо божескимъ умомъ; человѣческому же разуму невозможно было бы познашь что либо изъ существующаго и познаваемаго нами, если бы оная сущность не содержалась въ шѣхъ началахъ, изъ коихъ составился міръ, въ опредѣляющемъ и неопредѣленномъ» (1). Тотъ же Филолай о числѣ говоришь, что безъ него нельзя было бы намъ ничего познавать, а оно все при-

---

(1) Stob. ecl. I. p. 458. ἃ μὲν ἐσὼ τῶν πραγμάτων αἰδιος ἔσσα καὶ αὐτὰ μὲν ἃ φύσις θεῶν τε καὶ ἐκ ἀνθρωπίνῃ ἐνδέχεται γινῶσθαι, πλέον γὰρ ἢ ὅτι ἐκ οἴων τ' ἧς ἐθενὶ τῶν δόντων καὶ γιγνωσκομένων ὑφ' ἀμῶν γνωσθήμεν, μὴ ὑπαρχύσας αὐτὰς ἐντέος τῶν πραγμάτων, ἐξ ὧν ξυνέσα ὁ κόσμος, τῶν τε παραγόντων καὶ τῶν ἀπειρών.

ближаетъ къ душѣ, дѣлаешь познаемымъ и содружественнымъ, шакъ что «не только въ духовныхъ и божескихъ вещахъ естество и сила числа дѣйствуюеть, но и въ человеческихъ дѣлахъ и словахъ повсюду, и во всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ, и въ Музыкѣ» (1). Слѣдственно, начало всѣхъ вещей Пиеагорейцы почитали какъ бы разлпнымъ, или распроспертымъ по всему міру; полагали, что оно само по себѣ недоступно для нашего разумнія, и въ вещахъ являеися подъ образомъ ихъ содружества, согласія, и чрезъ то дѣлаешь ихъ познаемыми. Оно есть источникъ всякаго бытія и всякой истины: ибо, по словамъ Филолая, «лжи нѣтъ въ числѣ; ложь враждебна и чужда его природѣ, а истина свойственна и соестественна ему» (2). Цицеронъ кратко выражаетъ сіи мысли шакимъ образомъ: «Пиеагоръ полагалъ, что Богъ есть

---

(1) Stob. ecl. I. p. 10. ἴδιος δὲ καὶ ἑ μόνον ἐν τοῖς δαιμονίοις καὶ θείοις πράγμασι τὰν τῷ ἀριθμῷ φύσιν καὶ τὰν δύναμιν ἰσχύσαν, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς ἀνθρωπικοῖς ἔργοις καὶ λόγοις πάσι παντᾶ καὶ κατὰ τὰς δαμιοργίας τὰς τεχνικὰς πάσας καὶ κατὰ τὰν μουσικὰν.

(2) L. I. ψευδὸς δὲ ἄδικως ἐς ἀριθμὸν ἐπιτεῖ· πολέμιον γὰρ καὶ ἐχθρὸν αὐτῷ τῷ φύσει· ἃ δ' ἀλάθεια οἰκείον καὶ σύμφυτον τῷ τῷ ἀριθμῷ γενεῖ. Такія похвалы доставила числу точность математическихъ выкладокъ. Она же расположила Пиеагорейцевъ подчинить шплительнымъ отношеніямъ всякую истину бытія и знанія.

душа, разлишая и дѣйствующая во всей природѣ, а наши души сушь какъ бы части ея» (1).

Источникомъ несовершенства Пиеагорейцы почитали *неопредѣленное*, кошорое Филолай называетъ «безумнымъ и безсмысленнымъ, вмѣшялицемъ лжи и зависти» (2). Поелику же они свои вшоростепенныя начала производили изъ перваго Единого, начала всѣхъ вещей, чепъ-нечеша: шо, значить, первое начало они почитали источникомъ не только совершенства, но и несовершенства; и поелику ихъ подчиненныя начала вещей искони содержашся въ верховномъ началѣ, шо и въ самомъ семъ началѣ находили несовершенство. Такимъ образомъ *Аристотель* по праву усвоетъ Пиеагорейцамъ мнѣнiе, что «наипрекраснѣйшее и наилучшее существуетъ не въ началѣ» (3). Подобное свидѣтельство находимъ у *Теофраста*. Онъ говоритъ: «Поелику въ началѣ *многаго* содержашся, по ученiю

---

(1) De nat. D. I. 11. Pythagoras, qui censuit, (deum) animum esse per naturam rerum omnem intentum et commentem, ex quo nostri animi carperentur. Sext. Emp. adv. math. IX. 127; Plut. de pl. ph. I. 7; Philol. ap. Stob. ecl. I. 420. εἷς (κόσμος) ὑπὸ ἐνός τῷ ξυυγενέω καὶ κρατίσω καὶ ἀνυπερβάτω κυβερνώμενος.

(2) Ap. Stob. I. p. 16. τὰς γὰρ ἀπειρῶ καὶ ἀνοήτω καὶ ἀλόγω φύσει τὸ ψεῦδος καὶ ὁ φθόνος ἐντί.

(3) Met. XII. 7. ὅσοι δὲ παραλαμβάνουσιν, ὡσπερ οἱ Πυθαγ. καὶ Σπεύσιππος, τὸ κάλλιστον καὶ ἄριστον μὴ ἐν ἀρχῇ εἶναι.

Пифагорейцевъ, неопредѣлишельность, безпорядокъ и безобразіе, а начало сіе необходимо въ составѣ цѣлаго, такъ что оно находится, въ большей или меньшей мѣрѣ, всюду, во всякой вещи: то они, признавая Бога виновникомъ всего, принуждены были также допустить, что Богъ все ведетъ къ наилучшему, *покойнику возможно*; а впрочемъ едва ли бы онъ и соизволилъ сдѣлать все наилучшимъ: ибо тогда надобно было бы уничтожиться міру, происшедшему изъ противоположностей, и поддерживаемому въ бытіи противоположностями (1). — И такъ Пифагорейцы, производя все изъ совершеннаго и несовершеннаго, а сіи двѣ противоположности — изъ перваго Единаго, тѣмъ самымъ ограничили силу своего верховнаго начала; и поему совершенство, изящество, у нихъ не искони существоешь, но происходитъ, какъ растеніе или животное, изъ своего сѣмени, образуешь постепенно изъ перваго Единаго, начальнаго числа.

Но изъ свойствъ верховнаго начала, копорыи мы исчислили, еще не видно, почему Пифагорейцы называли оное именно *числомъ*, *первымъ единымъ*, *зеть-неге-*

---

(1) Met. 9. διὸ καὶ εἰδὲ τὸν Θεὸν δύνασθαι πάντα εἰς τὸ ἄριστον ἄγειν, ἀλλ' εἴπερ ἐφ' ὅσον ἐνδέχεται· τάχα δ' ἐτ' ἂν προέλοιτο, εἴπερ ἀναιρεῖσθαι συμβήσεται τὴν ἕλην ἕσσαν, εἰς ἐναντίων γε καὶ ἐναντιοῦς ἕσσαν.

томъ (1); почему оно не названо у нихъ напр. свѣтло-ромъ или добромъ, или просто существомъ: ибо мысль, что верховное начало всего едино, можно выражать различнымъ образомъ. Пифагорейцы предпочли прочимъ математическія выраженія по тому, что сіи болѣе согласовались съ ихъ понятіями о вещахъ, происшедшихъ изъ верховнаго начала. Главная ихъ мысль о семь предметъ содержится въ слѣдующемъ предложеніи: *числа суть начало, или сущность, вещей* (2).

Чтобы правильно понимать сіе выраженіе, надлежитъ обратиться къ производнымъ началамъ вещей. Между ними *предѣль* и *неопредѣленное*, *негетное число* и *гетное*, *одно* и *многое* пѣтъ ужъ отличаются отъ прочихъ противоположныхъ понятій, исчисленныхъ въ таблицѣ категорій, что занимающъ высшее мѣсто. Изъ нихъ послѣд-

---

(1) Во всемъ изложенномъ доселѣ Пифагорейскомъ ученіи содержится та же мысль, которая служила основаніемъ всей Іонійской Философіи, именно: міръ образуется, и восходитъ къ жизни совершеннѣйшей, поспешенно, разкрываясь какъ бы изъ сѣмени, изъ своего начала.

(2) Arist. de coelo. III. 1. *ἔνοι γὰρ τὴν φύσιν ἐξ ἀριθμῶν συνίστασι, ὡς περ καὶ τῶν Πυθ. τινές.* Met. I. 6. *καὶ τὸ τῆς ἀριθμῶν αἰτίας εἶναι τοῖς ἄλλοις τῆς ἑσίας ὡσαύτως ἐκείνοις (sc. Πυθαγορείοις) ἔλεγε ὁ Πλάτων*—*οἱ δ' ἀριθμὸς εἶναι φασὶν αὐτὰ τὰ πρόματα.* Надобно замѣнить различіе между *числами* и *числомъ*.

нія двѣ прошивоположности имѣють непосредственное отношеніе къ понятію *числа*; первая по видимому не имѣеть никакой связи съ численнымъ ученіемъ Пифагорейцевъ, и однако жъ занимаетъ первое мѣсто въ таблицѣ, и сверхъ сего Филолай ею же начинаеть изложеніе своего ученія, утверждая, что все состоить изъ опредѣляющаго и неопредѣленнаго (1). Слѣдственно сіи два понятія имѣють важное значеніе въ Пифагорейской Философії. Какъ понимаешь ихъ?

Пифагорейцы замѣтили, что мы можемъ познавать только то, что имѣеть опредѣленность (2), начало, средину и конецъ (3). Превративъ сей законъ *познаванія* въ законъ *бытія*, они учили, что предѣлы суть главное условіе, начало бытія вещей. Но послѣдніе предѣлы шѣль суть почки, копорыя у

---

(1) Stob. ecl. I. p. 454. ἀνάγκη τὰ ἔοντα εἶμεν πάντα ἢ περαινόντα ἢ ἀπειρα, ἢ περαινόντά τε καὶ ἀπειρα. — ἐπεὶ τοίνυν φαίνεται ἔτ' ἐκ περαινόντων πάντων ἔοντα, ἔτ' ἐξ ἀπειρων πάντων, δῆλον τ' ἄρα, ὅτι ἐκ περαινόντων τε καὶ ἀπειρων ὁ τὸ κόσμος καὶ τὰ ἐν αὐτῷ συναρμόχθη.

(2) Philol. ap. Jambl. ad Nic. arithm. p. 7. ἀρχὴν γὰρ ἐδὲ τὸ γνωστέμενον ἐσσεῖται πάντων ἀπειρων ἔδων.

(3) Arist. de coelo I. 1. καθάπερ γὰρ φασὶ καὶ οἱ Πυθ., τὸ πᾶν καὶ τὰ πάντα τοῖς τρισὶν ὄρισται. τελευτὴ γὰρ καὶ μέσον καὶ ἀρχὴ τὸν ἀριθμὸν ἔχει τὸν τῆ παντός.

Пифагорейцевъ назывались монадами, единицами (1). Аристотель говоритъ: «Пифагорейцы предѣлають шѣла, каковы суть поверхность, линия, почка, монада, приписываютъ существенность, и даже большую, нежели физическому или гедметрическому шѣлу» (2). Другіе излагають сіе ученіе еще яснѣе: «Началами всѣхъ вещей Пифагорейцы почисляли числа: ибо они полагали, что началомъ можешь бысть шокмо самое первое и несложное. Но предѣ шѣлами имѣють первенство поверхности, предѣ поверхностями линіи, предѣ линіями почки, именуемая у нихъ единицами. Единицы не состояють изъ частей, и нѣтъ ничего, что имѣло бы первенство предѣ ними. Но единицы суть числа: слѣдственно числа суть первыя начала всего» (3). И шакъ Пифагорейцы хошѣли изъяснить шѣле-

---

(1) Arist. de coelo III. 1.

(2) Met. VII. 2. δοκεί δέ τις τὰ τῷ σώματος πέρατα, οἷον ἐπιφάνεια καὶ γραμμὴ καὶ σιγμὴ καὶ μονάς, εἶναι εἶσται καὶ μᾶλλον ἢ τὸ σῶμα καὶ τὸ σερρόν. Cf. ib. III. 5; XIV. 3; de coelo I. 1.

(3) Alex. Aphrod. in Arist. de prim. phil. I. fol. 10 b. Ap. Brandis de perditis Arist. libris p. 30. ἀρχάς μὲν τῶν ἄντων τὰς ἀριθμῶς Πλάτων τε καὶ οἱ Πυθ. ὑπετίθεντο, ὅτι ἐδόκει αὐτοῖς τὸ πρῶτον ἀρχὴ εἶναι καὶ τὸ ἀσύνθετον, τῶν δὲ σωμάτων πρῶτα τὰ ἐπίπεδα εἶναι. τὰ γὰρ ἀπλῆσερά τε καὶ μὴ συναρθέμενα πρῶτα τῇ φύσει, ἐπιπέδων δὲ γραμμαὶ κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον, γραμμῶν δὲ σιγμαι, ἅς οἱ μαθηματικοὶ σημεῖα, αὐτοὶ δὲ μονάδες λέγον, ἀσύνθετα παντάπασιν ὄντα καὶ ἐθὲν πρὸ αὐτῶν ἔχοντα· αἱ δὲ μονάδες ἀριθμοὶ, οἱ ἀριθμοὶ ἄρα πρῶτοι τῶν ὄντων. Cf. Sext.

сное изъ безшѣлеснаго (1), и изъясняли — изъ геометрическихъ *тогекъ*. Сии почки суть Пиеагорейскій *предѣлъ*, послѣдній край всякаго шѣла. Слѣдственно выраженіе: *числа суть начало вещей*, значить: «всѣ вещи слагаются изъ почекъ, или изъ извѣстнаго числа геометрическихъ единицъ».

Предѣлу противопологаешя *неопредѣленное*. Поелику же предѣлъ означаетъ въ Пиеагорейскомъ ученіи крайнія почки, шо подъ неопредѣленнымъ надлежитъ разумѣть промежутокъ, разстояніе между сими почками (2). Въ самомъ дѣлѣ, у Пиеагорейцевъ *разстояніе* имѣло важное значеніе. Въ своей теоріи Музыки они гармонію *поновъ* производили изъ взаимнаго отношенія разстояній (*διάστημα*, intervallum)

Emp. hyp. Pyth. III. 152; adv. math. X. 24. Theop. Smugn. math. Plat. I. 7; II. 31; Arist. Quint. de mus. III. p. 122. Сюда же относятся слова Аристотеля (met. I. 5.): *ἐπεὶ δὲ τῶν (sc. τῶν μαθημάτων) οἱ ἀριθμοὶ φύσιν πρώτοι.*

(1) Еще Аристотель замѣтилъ сіе ошлывительное свойство Пиеагорейской Философіи. Онъ говоритъ (met. III. 5.): *διότι οἱ μὲν πολλοὶ καὶ οἱ πρότερον τῆν ἔσιν καὶ τὸ ὄν φάντο τὸ σῶμα εἶναι, τὰ δὲ ἄλλα τότε πᾶθῃ, ὥστε καὶ τὰς ἀρχὰς τὰς τῶν σωμάτων τῶν ὄντων εἶναι ἀρχάς; οἱ δὲ ὕστερον καὶ σοφώτεροι τῶν εἶναι δόξαντες, ἀριθμούς.*

(2) Аристотель, въ II. 13. de coelo, слѣдуя Пиеагорейцамъ, *πέρας* противопологаешъ *τῶ μεταξὺ*, а въ I. 1. *μέσον* — *ἀρχή* и *τελευτή*. Изъ перваго мѣсна видно, что Пиеагорейцы подъ *πέρας* разумѣли не одни вѣднѣе предѣлы шѣла: ибо предѣлами міра они называли не только окружность его, но и средопочіе.

между шонами (1). Въ ученіи о образованіи шѣлъ Пифагорейцы прибѣгли къ *разстоянію* потому, что имъ нельзя было наполнить пространства однѣми единицами. Ихъ единицы, какъ геометрическія шочки, не имѣють въ себѣ ничего шѣлеснаго; и слѣдственно изъ соединенія ихъ не можеть произойти не шолько шѣла, но и линіи, потому что изъ сложенія непрошяженнаго не можеть произойти прошяженное. Очевидно, Пифагорейцамъ надлежало, кромѣ единицъ, имѣшь другое начало, чшобы составишь шѣло, подлежащее шремъ измѣреніямъ. Сіе начало — *неопредѣленное*. Ибо если единицы, шочки, составляютъ начало и конецъ, предѣлы, шо, естественню, прошяженіе произойдешъ шолько шогда, когда между *предѣлами* помѣшится — *неопредѣленное*. Посему позднѣйшіе Математики, именовавшіе себя шакже Пифагорейцами, по всей вѣроятности, передають намъ ученіе древнихъ Пифагорейцевъ въ настоящемъ его видѣ, когда объясняя происхождение шѣлъ изъ единицъ, или шочекъ, говорятъ: «Начало шѣла, имѣющаго шри измѣренія, ешь поверхность, потому что шѣло состоишь изъ поверхностей, соединенныхъ между собою въ различныхъ разстояніяхъ. Но самая поверхность не ешь шѣло: ибо она имѣеть прошяженіе шолько по двумъ измѣреніямъ. Начало

---

(1) См. Böckh's Philol. N. 5. sqq.

поверхности, подлежащей двумъ измѣреніямъ, есть линія: ибо поверхность слагается изъ линій, соединенныхъ между собою въ различныхъ разстояніяхъ. Но самая линія не есть поверхность, ибо имѣешь одно измѣреніе. Наконецъ, начало линій есть почка, ибо линія состоишь изъ почекъ, которыя, соединяясь между собою въ различныхъ разстояніяхъ, образують линію, однако сами не суть линія: ибо въ почкѣ нѣтъ никакого разстоянія, и она не подлежитъ никакому измѣренію; она есть единица» (1). Посему Аристотель справедливо говоритъ, что, по мнѣнію Пифагорейцевъ, величина слагается изъ предѣла (единицъ) и неопредѣленнаго (разстоянія) (2).—И шакъ Пифагорейское ученіе о предѣлѣ и неопредѣленномъ есть не

(1) Boeth. arithm. II. 4; Nic. inst. arithm. II. 6. ἔσται μὲν ἔν ἡ μονὰς σημεῖον λόγον ἔχουσα καὶ τόπον, ἀρχὴ μὲν διασημάτων καὶ ἀριθμῶν, ἤνω δὲ γραμμῆ, ἔδδὲ διάσημα. ἀμείλει ἕτε σημεῖον σημεῖον συντεθέν πλεον τι ποιεῖ· ἀδιάστατον γὰρ ἀδιαστάτῳ συντεθέν διάσημα ἔχ' ἕξει, ὡσπερ εἴτις τὸ ἔδδεν ἔδδενι συντεθέν σκέπτοιτο· ἔδδεν γὰρ ποιεῖ. — ἀδιάστατος ἄρα ἡ μονὰς καὶ ἀρχοειδής, πρῶτον δὲ διάσημα εἰρίσκεται καὶ φαίνεται ἐν δυάδι, εἶτα ἐν τριάδι, εἶτα ἐν τετράδι καὶ ἐξῆς ἐν τοῖς ἀκολουθοῖς (Cf. Philol. in theol. arithm. p. 56). διάσημα γὰρ ἐσι δυοῖν ὄρων τὸ μεταξὺ θεωρούμενον· πρῶτον δὲ διάσημα γραμμῆ λέγεται· γραμμῆ γὰρ ἐσι τὸ ἐφ' ἐν διαστατῶν· δύο δὲ διασημάτα ἐπιφάνεια· ἐπιφάνεια γὰρ τὸ διχῆ διαστατῶν ἐσι· τρία δὲ διασημάτα σερεθῶν· σερεθῶν γὰρ ἐσι τὸ τριχῆ διαστατῶν.

(2) Met. I. 7. ἐκ τέτων (sc. πέρατος καὶ ἀπέριου) εἶναι τὸ μέγεθος.

что иное, какъ чистое построение величины геометрической. Въ немъ предполагается только, что есть отдѣльныя, разобщенныя единицы; что сіи единицы могутъ имѣть отношеніе одна къ другой, и сихъ отношеній между ними возможно только три, такъ какъ и всѣхъ измѣреній тѣла три. Возможно соотношеніе между единицами потому, что всѣ онѣ входятъ въ составъ міра, связуемаго во-едино первымъ единымъ.

Объяснивъ, что подь *неопредѣленнымъ* должно разумѣть разстояніе, или промежутокъ между граничными пунктами, можно спросить: изъ чего состоишь сей промежутокъ? Нѣкоторые думали, что Пифагорейцы представляли себѣ промежутокъ, или неопредѣленное, чѣмъ-то похожимъ на воздухъ. Но воздухъ Пифагорейцы почитали (какъ увидимъ ниже) *опредѣленнымъ* тѣломъ. — Поселику въ своей таблицѣ противоположностей на второмъ мѣстѣ Пифагорейцы вездѣ поставили понятія отрицательныя, то можно догадываться, что и подь *неопредѣленнымъ* они разумѣли, въ противоположность и соотносѣнность предѣлу, что нибудь отрицательное: это—рѣшительно пустой промежутокъ, *пустота*. Пифагорейцы допускали существованіе пустоты: на сіе мы имѣемъ довольно свидѣтельствъ (1).

---

(1) Arist. phys. IV. 6; ap. Stob. ecl. I. p. 380; Plat. de plac. ph. II. 9; Stob. ecl. I. p. 388.

Они причисляли ее и къ началамъ вещей: объ этомъ можно заключашь изъ того ужь, что всѣ мыслили, допускавшіе пустошу въ спрогомъ смыслѣ, почитали ее самоспояшельною, ибо она не имѣеть ничего общаго съ шѣмъ, что наполняешь собою просшранство. Сверхъ сего, о Пиеагорейцахъ *Аристотель* ясно говоритъ, что, по ихъ мнѣнію, пустоша находится въ числахъ изперва, что она опредѣляешь ихъ одно отъ другаго (1), равно какъ она же разграничиваетъ мѣста всѣхъ вещей (2). Это значить: «числа, или единицы, опредѣляются другъ отъ друга пустошою», или, что поже: «единицы или числа не были бы единицами или числами, если бы не было между ними промежуточной пустошы». Если жь пустоша естъ начало чиселъ, а числа суть начало всѣхъ вещей: то ясно, что Пиеагорейцы и пустошу почитали началомъ всѣхъ вещей. Послѣ сего слѣдовало бы спросить: подь которымъ изъ двухъ взаимно противоположныхъ началъ они разумѣли пустошу, подь *опредѣляющимъ*; или подь *неопредѣленнымъ*? Но и на сей вопросъ мы находимъ у *Аристотеля* ясный отвѣтъ.

---

(1) Phys. IV. 6. καὶ τὰτ' (sc. τὸ κενὸν εἶναι χωρισμὸν τινα τῶν ἐφεξῆς) εἶναι πρῶτον ἐν τοῖς ἀριθμοῖς, τὸ γὰρ κενὸν διορίζει τὴν φύσιν αὐτῶν.

(2) Ap. Stob. ecl. I. p. 380. τὸ κενόν, ὃ διορίζει ἑκάστων τὰς χώρας αἰεί.

Онъ въ двухъ мѣстахъ говоритъ, что, по учению Пифагорейцевъ, «неопредѣленное, или четное, вътягивается и ограничивается опредѣляющимъ, или нечетнымъ» (1); а въ другихъ двухъ, что по ихъ мнѣнiю, «пустота входитъ въ небо», что «небо одно, и изъ неопредѣленнаго входитъ въ оное пустоша, разграничивающая вещи» (2). Въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ, очевидно, *небо* и *пустота* имѣють такое же значенiе, какое въ первыхъ двухъ *опредѣляющее* и *неопредѣленное*. Такимъ образомъ не остается никакого сомнѣнiя въ томъ, что Пифагорейцы почитали пустошу началомъ вещей, и разумѣли ее подъ неопредѣленнымъ.

Теперь можно присунуть къ рѣшенiю вопроса: какимъ образомъ Пифагорейцы объясняли происхож-

---

(1) Met. XIV. 3. φανερός γὰρ λέγουσι, ὡς τὴ ἀνὸς συσταθέντος—εἴτ' ἐξ ἐπιπέδων, εἴτ' ἐκ χροιάς, εἴτ' ἐκ σπέρματος, εἴτ' ἐξ ὧν ἀπορῶσιν εἰπεῖν—εὐθὺς τὰ ἄγιστα τὴ ἀπειρὸς ὅτι εἴλητο καὶ ἐπεραίνετο ὑπὸ τῆ πέρατος. Phys. III. 4: καὶ οἱ μὲν τὸ ἀπειρον εἶναι τὸ ἄρτιον· τῆτο γὰρ ἐναπολαμβάνομενον καὶ ὑπὸ τῆ περιττῆ περιαινόμενον παρέχει τοῖς ἕσσι τὴν ἀπειρίαν. Подъ ἀπειρία разумѣють здѣсь дѣлимость въ безпредѣльность.

(2) Phys. IV. 6. εἶναι δ' ἑώρασαν καὶ οἱ Πυθ. κενόν, καὶ ἐπεισείναι αὐτὸ τῷ ἑρανῷ. Ap. Stob. ecl. I. p. 380. τὸν ἑρανὸν εἶναι ἕνα, ἐπεισάγεσθαι δ' ἐκ τῆ ἀπειρὸς χρόνον τε καὶ πνοήν καὶ τὸ κενόν, ὃ διορίζει ἐκῆσων τὰς χώρας αἰεῖ.—Могутъ также служить параллельными мѣстами слѣдующiя: Arist. phys. III. 4. καὶ εἶναι δὲ τὸ ἕξω τῆ ἑρανῶ ἀπειρον. Plut. de pl. ph. II. 9. ἕκτος εἶναι τῷ κόσμῳ κενόν, εἰς ὃ ἀναπτῆ ὁ κόσμος, καὶ ἐξ ὃ. Вмѣсто ἀπειρον въ послѣднемъ мѣстѣ поставлено κενόν.

деніе міра? и какое значеніе имѣють въ семъ объясненіи противоположныя ихъ начала?

Мы знаемъ уже, что, по ученію Пифагорейцевъ, *во-первыхъ*, всѣ вещи слагаются изъ единицъ, разграниченныхъ извѣстными промежутками; *во-вторыхъ*, кромѣ сихъ единицъ есть верховная единица. Чтобы связать сіи двѣ мысли, Пифагорейцы должны были объяснить: какъ множество единицъ произошло изъ первой единицы?

Въ отвѣтъ на сей вопросъ, Пифагорейцы говорили, что происхожденіе міра есть сліяніе противоположныхъ началъ, неопредѣленного и опредѣляющаго, чета и нечета. Но поелику они свое верховное, самобытное, начало называли четь-нечетомъ: то и сліяніе подчиненныхъ началъ едва ли не представляли себѣ безначальнымъ, а рассуждали о происхожденіи міра только для того, чтобы объяснить оный генетически. Такъ думали о семъ предметѣ и древніе: если вѣришь имъ, Пифагорейцы учили, что міръ имѣеть начало относительно не ко времени, но къ человѣческому разумнію (1). Какъ бы по ни было, только Пифагорейцы утверждали, что первое единое, или нечетъ, начало веро-

---

(1) Stob. ecl. I. p. 450. Πυθαγόρας φησὶ γεννητὸν καὶ ἐπίνοιαν τὸν κόσμον, ἢ κατὰ χρόνον (ὅς καὶ πρῶτος ὠνόμασε τὴν τῶν ἄλλων περιχώρην κόσμον, ἐκ τῆς ἐν αὐτῷ τάξεως).

денное (1), изкони окружено пустошою (2): пустоша, или начало неопредѣленное, ешь, по ихъ поняшю, какъ бы вмѣстилище единого (3). Симъ двумъ прошивоположнымъ членамъ они приписывали какое-то влеченіе ко взаимному сліанію (4). Опредѣляющее единое вшыгиваетъ, вбираетъ въ себя ближайшее къ нему неопредѣленное, и ограничиваетъ, опредѣляетъ оное. Сей актъ Пиеагорейцы называли *вдыханіемъ неопредѣленного*, и проешо *дыханіемъ неограниченнымъ*. Посредствомъ сего дыханія входилъ въ міръ пустоша, и разграничиваетъ

---

(1) Arist. met. XIV. 4. τοῦ μὲν ἔν περιττῷ γένεσιν ἢ φασιν.

(2) Arist. met. XIV. 3; phys. III. 4; IV. 6; ap. Stob. ecl. I. p. 380, 388; Plut. de pl. ph. II. 9; Eudemus in comm. ad Themist. in Ar. phys. p. 105. ed. Ven. 1542. Pythagoricus Archytas, ut Eudemus retulit, extra coelum esse corpus infinitum probabat hoc argumento: interrogabat enim, si quis in extremo caelo esset, posset necne manum extendere baculumve; si posset, erit igitur vel locus, vel corpus ibi. Si locus, et corpus, quia locus potest corpus recipere et in aeternis posse et esse eandem habent rationem; hoc deinde concessio infinitum illud esse contendebat, quia quocumque sine dato idem ipse interrogabat, non posse autem manum ponere absurdum videtur; quid enim hoc prohibeat? Впрочемъ это доказательство не чисто Пиеагорейское; Пиеагорейцы подъ infinitum не разумѣли corpus.

(3) Къ Пиеагорейцамъ же можно относить Arist. XIV. 4. καὶ τὸ κκεδν τῆ ἀγαθῆ χάραν εἶναι. Cf. ib. 5.

(4) L. I. καὶ δρευσθαι τῆ φθαρτικῆ φθαρτικὸν γὰρ τῆ ἐναντίου τὸ ἐναντίον.

вещи (1). — Следственно, Пифагорейцы полагали, что единое вначалѣ было чѣмъ-то нераздѣльнымъ, какъ-бы слишнюю массою, могшею впрочемъ, при посредствѣ пустошы, раздробиться на множество. Подобнымъ образомъ представляли они и неопредѣленное начало: само по себѣ оно нераздѣльно, и тогда ужь разлагается на части, когда входитъ въ опредѣляющее начало (2).

Замѣшшь можно, что неопредѣленное начало у Пифагорейцевъ и въ образованіи міра имѣетъ значеніе отрицательное: оно спротивно вдыхается, и въ самомъ мірѣ составляетъ собою только пустые промежутки между единицами, существенными частями первой единицы. Напротивъ того, предѣлъ служишь символомъ начала дѣйствительнаго, источника всякаго истиннаго совершенства вещей. Слияясь съ неопредѣленнымъ, онъ раздробляется на множество, но въ сущности своей всегда остается единымъ, неизмѣннымъ, неподвижнымъ, себѣ самому равнымъ (3). Оба противоположныя начала

---

(1) Arist. phys. IV. 6. εἶναι δὲ ἕκασταν καὶ οἱ Πυθ. κενόν, καὶ ἐπισειῆναι αὐτὸ τῷ ἕρανῳ ἐκ τῆ ἀπειροῦ πνεύματος, ὡς ἂν ἀναπνεύοντι καὶ τὸ κενόν, ὃ διορίζει τὰς φύσεις. Plut. de pl. rh. II. 9.

(2) Arist. phys. III. 5. ἅμα γὰρ ἔστιν ποιῆσι τὸ ἀπειρον καὶ μερίζουσι.

(3) Phil. de mundi orific. p. 24. ἐντὶ γὰρ φησιν ὁ ἀγεμὼν καὶ ἀρχῶν ἀπάντων θεός, εἰς ἀσὶ ἑῶν, μόνιμος, ἀκίνητος, αὐτὸς αὐτῷ ὁμοιος, ἄτερος τῶν ἄλλων.

равно самобытны и неразлучны: они суть два дѣйствительна, коими поддерживается одинъ жизненный процессъ—мірообразование. Посему міръ, подобно животному, дышешь: вбирая въ себя неопредѣленную пущоту, онъ получаетъ пропущаженіе въ пространствѣ и продолженіе во времени. Время, по выраженію Архита, есть, «разстояніе (intervallum) всей природы» (1): ибо главное его условіе различаемоть, раздѣльность слѣдующихъ одинъ за другимъ моментовъ (2).

И такъ ученіе Пифагорейцевъ о двухъ противоположныхъ началахъ имѣешь тѣсную связь съ ихъ ученіемъ о единствѣ верховнаго начала: ибо первыя сливаются въ послѣднемъ, въ исходной единицѣ, въ четъ-нечетъ, въ основномъ числѣ. Посему у нихъ и жизненное раскрытіе сего первообразнаго единства, небо или міръ, есть число, (3) и сущность всѣхъ вещей есть число (4). Міръ есть число пополюку, пополюку единицы, входящія въ

---

(1) Simpl. phys. fol. 165 a.

(2) Пифагорейцы строили изъ предѣловъ и промежутковъ не только пространственныя, но и временныя отношенія. Аристотель, говоря о ихъ ученіи, иѣи, мгновеціе, единицу времени, противоположаетъ *εἰρημῆ*, почкъ, единицѣ пространства. De caelo III. 1 fin.; met. III. 5. p. 59, 7. Brand.

(3) Arist. met. I. 5.

(4) Ibid.

составъ онаго, ошдѣляются одна отъ другой промежутками: ибо онѣ не могли бѣ бытъ единицами, если бы не было промежутковъ между ними. Отъ сего хощя мѣръ, какъ сумма всѣхъ чиселъ, есть совокупность всего существующаго, и слѣдственно полное цѣлое (1): однако въ немъ есть несовершенство, посвящаемое *неопредѣленнымъ*, пустошю, вообще, вшорымъ началомъ. И Богъ не можеть сдѣлать всего наилучшимъ. Онъ все упрощеть токмо ко благу, поколику возможно; и слѣдственно наилучшее и совершенное не изначала существуетъ, но образуется постепенно.

Эшо главныя мысли Пифагорейскаго ученія о природѣ. Въ нихъ разрѣшается вопросъ объ отношеніи производнаго множества къ источному единству. «Все произошло изъ одинаго, перваго числа: ибо единое; въ своемъ раскрышій вдыхая въ себя пустошу, раздробляется на многое; посему все состоишь изъ множества единицъ, или изъ чиселъ». Но если все состоишь изъ единицъ, а единицы сами по себѣ одинаковы: шо откуда произошло различіе, усматриваемое между вещами, составляющими мѣръ? *Общій* отвѣтъ Пифагорейцевъ на сей

---

(1) Arist. met. I. 7. *ὡς ὁμολογῶντες τοῖς ἄλλοις φυσιολόγοις, ὅτι τὸ γὰρ εἶναι τῶν ἐστί, ὅσον αἰσθητὸν ἐστὶ καὶ περιέληφεν ὁ καλέμενος ἕρανδρος.*

вопросъ угадать не шрудно. Если судишь по ихъ теоріи Музыки, по различіе между вещами они производили изъ различія промежутковъ между единицами, составляющими вещи; и должны были производишь изъ него, пошому что въ самыхъ единицахъ или почкахъ имъ нельзя было находишь никакого различія (1). Но если шолько Пифагорейцы не заблагоразсудили довольствовашься одними общими мыслями, по имъ надлежало войти въ гаштности, и подробно объяснишь различіе вещей и отношеній, усмашриваемое въ мірѣ. Пифагорейцы дѣйствительнo объясняли оное; но кто знаешъ, какъ зашруднишельны подобныя объясненія, шощъ не будешъ удивляшься, что Пифагорейцы иногда прибѣгали къ самымъ неосновательнымъ предположеніямъ. Впрочемъ *нагало*, которымъ они при семь руководствовались, весьма замѣчательнo: имъ хотѣлось, шобы въ мірѣ все ушпроено было *гармонически*, или вообще *симметрически* (2). Поняшіе *гармоніи* (которая у нихъ обнимала собою все правильныя отношенія) они ввели въ свою систему пошому, что для сообщенія единства міру, составленному изъ про-

---

(1) Посему позднѣйшіе Пифагорейцы почитали неопредѣленную двоицу, или неограниченное, началомъ всякаго различія.

(2) Гармонія и симметрія часто принимаются въ одинаковомъ значеніи, напр. *Plut. de plac. ph. I. 3.*

пивоположностей, имъ нужна была связь, которая держала бы въ порядкѣ сіи прошивоположности: сія связь — гармонія. «Поелику начала вещей», говоритъ Филолай, «не подобны, и не однородны, по и невозможно было бы сосшавиться изъ нихъ спройному цѣлому, если бы не явилась на помощь гармонія. Подобное и однородное не имѣло нужды въ посредствѣ гармоніи, но неподобное, неоднородное и неодинаковое не могло совокупиться безъ содѣйствія гармоніи: безъ ней нельзя было имъ войти въ сосшавъ міра» (1). Поелику же прошивоположности, по понятію Пиеагорейцевъ, соединяются въ первомъ Единомъ, по сіе Единое есть вмѣстѣ начало всѣхъ соединеній въ мірѣ, испочная гармонія. Пиеагорейцы дѣйствительно учили, что гармонія есть начало всѣхъ вещей, и что весь міръ есть гармонія; и вообще, гармонію и число они принимали въ одинаковомъ значеніи (2). — Следственно, гармонія, въ семь отношеніи, у нихъ

---

(1) Stob. ecl. I. p. 460. ἐπεὶ δὲ τὰ ἀρχαὶ ὑπῆρχον ἐκ ὁμοίας οὐδ' ὁμόφυλοι ἔσσαν, ἤδη ἀδύνατον ἦεν ἂν καὶ αὐταῖς κοσμηθῆμεν, εἰ μὴ ἁρμονία ἐπεγένετο, ὧντι ἂν τρόπῳ ἐγένετο· τὰ μὲν ἂν ὁμοία καὶ ὁμόφυλα ἁρμονίας ἕδρην ἐπέδεικτο· τὰ δὲ ἀνομοῖα μὴδὲ ὁμόφυλα μὴδὲ ἰσοτελῆ ἀνάγκη τὰ τοιαῦτα ἁρμονίᾳ συγκεκλεισθῆναι, εἰ μέλλοιεν ἐν κόσμῳ κατέχυσθαι. Boeckh's Philol. N. 3. ἔτι γὰρ ἁρμονία πολυμιγῶν ἔνωσις καὶ διχᾶ φρονημάτων σύμφρασις.

(2) Arist. met. I. 5.

есть начало *согласія*, соединенія всѣхъ вещей, составляющихъ міръ (5).

Гармонія имѣешь и другое, болѣе положительное, значеніе въ Пифагорейской системѣ. Въ сей господствуетъ мысль, что міръ держится порядкомъ, такъ что бышіе, жизнь его есть слѣдствіе не протвѣрнаго только соединенія противоположностей, но соединенія *правильнаго*. Сія мысль всего яснѣе обнаруживаешь себя въ тѣхъ произвольныхъ предположеніяхъ, къ которымъ она приводила Пифагорейцевъ. (Напримѣръ, они учили, что тѣлъ небесныхъ десять; что они расположены по законамъ гармоніи.) Можно находишь ее и въ тѣхъ мелкихъ замѣчаніяхъ, которыми Пифагорейцы доказывали, что явленія, усматриваемыя въ природѣ и жизни разумной, имѣють числительную правильность. Сія замѣчанія разумѣешь Аристотель, когда говоритъ, что Пифагорейцы «находили въ числахъ много сходствъ съ вещами, имѣющими постоянное или преходящее бытіе» (2). Такъ самая ихъ таблица противоположныхъ понятий приспособлена къ десятичному, совершенному числу. Равнымъ образомъ они замѣчали числительную правильность въ нѣкоторыхъ явленіяхъ природы; напр. семь тоновъ, семь гласныхъ буквъ, на седьмомъ году у нѣкоторыхъ живощ-

---

(2) Arist. I. I.

ныхъ выпадають зубы, и вырастають новые (1). По той же причинѣ и нѣкоторыя понятія они опредѣляли извѣстными числами, напримѣръ, повлшія сираведливости, души, удобнаго случая; и вообще сущность вещей основывали на числительныхъ отношеніяхъ, такъ что *Зеритъ* означалъ однимъ числомъ сущность челоуѣка, другимъ сущность коня, и проч. (2). Такія численныя означенія понятій большею частію произвольны; но основаніемъ ихъ служилъ вѣрная мысль: «въ міръ все происходитъ и образуется правильно, по опредѣленнымъ законамъ».

Чтобы сослѣдствіемъ изъ сихъ частныхъ представленій о числительномъ порядкѣ въ мірѣ стройное цѣлое, Пифагорейцамъ надлежало имѣть какую нибудь общую *мѣру* для гармоническихъ отношеній. Они нашли ее въ октавѣ, безспорно, по привязанности къ своей теоріи Музыки. Впрочемъ не забыли арифметическія и геометрическія отношенія. Уваженіе, которымъ пользовалось у нихъ десятичное число, и значеніе, какое они приписывали чепыремъ первымъ числамъ и пяти первымъ правильнымъ шѣламъ, имѣють не музыкальное, но математическое происхожденіе. Естественною, впрочемъ, что изъ неосновательныхъ предположеній

---

(1) Arist. met. XIV. 6.

(2) Theophr. met. 3; Arist. met. XIII. 8.

и догадокъ о правильности отношеній въ мірѣ, не могло у Пифагорейцевъ сосшавишься связной системы.

До насъ дошли весьма неудовлетворительныя, опривочныя извѣстія о Пифагорейскихъ мнѣніяхъ касательно природы вещей *въ частности*. Сии извѣстія имѣють еще пошъ недосшашокъ, что шрудно различать въ нихъ подлинно Пифагорейскія мысли отъ нелѣпныхъ выдумокъ позднѣйшихъ Пифагорейцевъ. Только то не подлежишь сомнѣнію, что Пифагорейцы твердо держались своей мысли о гармоническомъ устройствѣ всѣхъ вещей.

Физическія качества тѣлъ Пифагорейцы производили также изъ математическихъ отношеній. Объяснивъ, что есть, что единица есть почка, двойца линія, шронца плоскость, четверица геомешрическое тѣло, они протшерлись далѣе, и утверждали, что пятерица есть физическое тѣло съ своими чувственными качествами (1). Сіе мнѣніе имѣеть у нихъ связь съ ученіемъ о *стихіяхъ*, кошорыхъ они насчишывали также *плть*, и кошорыя производили изъ пяши правильныхъ геомешрическихъ

---

(1) Theol. arithm. 8. p. 56. Φιλόλαος δὲ μετὰ μαθηματικῶν μέγεθος τριχῆ διασάν ἐν τετραδί ποιότητα καὶ χρῶσιν ἐπιδειξάμενης τῆς φύσεως ἐν πεντάδι κτλ. Arist. de sens. 3. διὸ καὶ οἱ Πυθ. τὴν ἐπιφάνειαν χρῶσιν ἐκάλεον. Plut. de pl. ph. IV. 20; Heraclides apud Porphyg. in harm. Ptol. с. 3. p. 213.

пѣль. По ихъ мнѣнію, изъ куба произошелъ огонь, изъ пирамиды земля, изъ осмогранника воздухъ, изъ дващцашигранника вода, изъ двѣнадцашигранника пяшая стихія (1), получившая впослѣдствіи наименованіе ээира. Вѣроятно, не забыла также аналогія между пяшью стихіями и пяшью чувствами (2).

Огонь Пиеагорейцы почитали въ нѣкопоромъ отношеніи началомъ всемірной жизни (3). Они назначили ему самое почешное мѣсто въ мірѣ — предѣлъ внѣшній и внутрешній; по ешь, помѣстили его въ средошочіи и на окружности міра. Посему они учили, что въ срединѣ міра находится огонь, справа Зевесога, Зевесога швердыня, кубъ (кубъ, по ихъ мнѣнію, ешь шѣло самое совершенное, потому что въ немъ при равныя разстоянія между споронами), всемірный алшарь, устроившійся прежде прочихъ частей міра, блюститель

---

(1) Philol. ap. Stob. ecl. I. p. 10. *καὶ τὰ ἐν τῷ σφαίρῳ σώματα πέντε ἐντὶ. τὰ ἐν τῷ σφαίρῳ πῦρ, ὕδωρ καὶ γῆ καὶ ἀήρ καὶ ἅ τὰς σφαιρῶν ὀκτάς πέμπτον.* Plut. de pl. ph. II. 6. *Πυθαγόρας, πέντε σχημάτων ὄντων ἐσρέων, ἅλαρ καλεῖται καὶ μαθηματικά, ἐκ μὲν τῷ κύβῳ θησι' γεγονέναι τὴν γῆν; ἐκ δὲ τῆς πυραμίδος τὸ πῦρ, ἐκ δὲ τῷ ὀκταέδρῳ τὸν ἀέρα, ἐκ δὲ τῷ εἰκοσαέδρῳ τὸ ὕδωρ, ἐκ δὲ τῷ δώδεκαέδρῳ τὴν τῷ παντός σφαιραν.* Theol. arithm. 5. p. 26. fin. Herm. iris. phil. gent. 16. p. 225.

(2) Stob. ecl. I. p. 1104; theol. arithm. 1. 1.; Arist. Quint. III. p. 122.

(3) Diog. L. VIII. 27.

порядка въ міръ. Огнь, исходя изъ своего средопочнаго хранилища, прошекаешъ по всему міру, и наконецъ ояшь собираешся на его окружности (1). — И шакъ Пифагорейцы давали огню предпочтеніе предъ прочими снѣжїями: послѣ сего понышно, почему они, въ своей шаблицѣ прошивоположностей, причислили *свѣтъ* къ началамъ совершеннаго, а *мракъ* къ началамъ несовершеннаго. Огнь занимаешъ у нихъ мѣсто въ срединѣ міра, и на окружности міра покоишся: и *покоющешся* причислено къ началамъ совершеннаго. — Вокругъ всемірнаго средопочїя спройно шеснѣвующѣ *дѣсятъ* небесныхъ шѣлъ, кои сущѣ: небо (сонмъ неподвижныхъ звѣздъ), пяшѣ планешѣ, солнце, луна, земли и *противоземліе* (2). Всѣ они, какъ шѣла *движу-*

(1) Arist. de coelo II. 13. *ἐπι μὲν γὰρ τῷ μέσῳ πῦρ εἶναι φασί.* — — *τῷ γὰρ τιμιωτάτῳ οἴονται προσήκειν τὴν τιμιωτάτην ὑπάρχουσαν χώραν, εἶναι δὲ πῦρ μὲν γῆς τιμιώτερον, τὸ δὲ πέρας τῶν μεταξὺ· τὸ δὲ ἔσχατον καὶ τὸ μέσον πέρας.* — *ἔτι δὲ οἱ γὰρ Πυθ. καὶ διὰ τὸ μάλιχα προσήκειν φυλάττεσθαι τὸ κυριώτατον τῷ παντός· τὸ δὲ μέσον εἶναι τοιούτον· ὁ Διὸς φυλακὴν ὀνομάζουσι τὸ ταύτην ἔχον τὴν χώραν πῦρ.* Stob. ecl. I. p. 488. *Φιλόλαός τε πῦρ ἐν μέσῳ περὶ τὸ κέντρον, ὕπερ ἔστιαν τῷ παντός καλεῖται καὶ Διὸς οἶκον καὶ μητέρα Θεῶν, βωμόν τε καὶ συνοχὴν καὶ μέτρον φύσεως· καὶ πάλιν πῦρ ἕτερον ἀνωτάτω τὸ περιέχον· πρῶτον δ' εἶναι φύσει τὸ μέσον.*

(2) Stob. ecl. I. p. 488. *περὶ δὲ τούτο (τὸ μέσον) δέκα σώματα Θεῶν χορεύουσιν, ἄρανόν, πλανήτας, μεθ' ἧς ἥλιον, ὑφ' ᾧ σελήνην, ὑφ' ἧ τὴν γῆν, ὑφ' ἧ τὸν ἀντίχθονα, μεθ' αὐτῶν σύμπαντα τὸ πῦρ, ἐσίας ἐπὶ τὰ κέντρα τάξιν ἐπέχον.* Arist. met. I. 5.

щіяся, принадлежать къ разряду несовершеннаго. Они расположены по законамъ музыкальной гармоніи (1), и осьь сего происходишь гармонія сферъ небесныхъ. Ибо, по ученію Пифагорейцевъ, каждая сфера движешся со скоросшью, соошвъшспшенною ея распоянію осьь прочихъ шъль; поелику же всякое шъло скоро движущееся издаешъ звукъ: шо осьь движенія всъхъ сферъ небесныхъ, происходишь гармонія звуковъ. Впрочемъ мы не слышимъ сей гармоніи, или пошому, что мы родились въ ней, — а каждый звукъ не иначе можно различашъ, какъ ошносительно къ прошивоположной ему пишинѣ (2), — или, можешъ бышь, пошому, что гармонія шакого цълаго, каковъ мїръ, слишкомъ огромна для насъ, и мы неспособны посшигашъ ее (3). — Тъла небесныя движущся вокругъ средоточнаго огня: круговое движеніе ешъ самое совершенное, пошому что круговращающееся шъло возвращается къ шой же шочкѣ, съ кошорой началось его движеніе (4). Съ мыслию о совершенствѣ свѣша и несовершенствѣ мрака имѣло связь раздѣленіе міра на правую и лѣвую шпору. *Правая шпора*—вос-

---

(1) Nicom. harm. manual. I. p. 6; Plut. de mus. 44.

(2) Arist. de coelo II. 9.

(3) Porphyg. in harm. Ptol. p. 257.

(4) Arist. probl. XVI. 9.

покъ, страна свѣша; *лѣвал*—западъ, страна мрака (1). Посему въ таблицѣ прошивоположностей правое и лѣвое спойшъ въ параллели съ добрымъ и худымъ. Подобнымъ образомъ Пифагорейцы разумѣли прошивоположности между *верхомъ* и *низомъ*, *передомъ* и *задомъ* (2): верхъ и передъ имѣюшъ значеніе хорошее, а низъ и задъ—худое.

Тѣла небесныя Пифагорейцы называли иногда *мірами*, въ подчиненномъ значеніи (3), и кажутся почитали ихъ подобными землѣ: по крайней мѣрѣ они учили, что сославъ луны имѣешъ сходство съ сославомъ земли; что на ней обитающъ существа совершеннѣйшія, красивѣйшія и гораздо большія, чѣмъ на землѣ (4). Мысль, что на лунѣ, и, какъ можно догадываться, на прочихъ тѣлахъ небесныхъ, обитающъ существа совершеннѣйшія, нежели на землѣ, родилась у Пифагорейцевъ, кажется изъ того, что они вездѣ желали находить наибольшее возможное совершенство; а такого совершенства они не замѣчали въ земныхъ существахъ. Несовершенство міра, по мнѣнію Пифагорейцевъ, имѣло

---

(1) Plut. de plac. ph. II. 10; Stob. ecl. I. p. 358.

(2) Arist. de coelo II. 13; ap. Simpl. de coelo f. 94 a, 95 b; cf. Philol. ap. Stob. ecl. I. p. 360.

(3) Plut. de pl. ph. II. 13; Stob. ecl. I. p. 514.

(4) Plut. de pl. ph. II. 30; Stob. ecl. I. p. 562.

главное свое жилище на землѣ. Посему они полага-
ли, что во всемъ мірѣ господствуетъ порядокъ;
только подъ луною все безпорядочно измѣняется
(1). Такимъ образомъ Филолай дѣлилъ весь міръ на
три слѣдующія части: *Олимпъ*, въ кошоромъ со-
держится «безпримѣнность спихій» (безъ сомнѣнія,
огнь средопочный и внѣшній), *космосъ* (міръ въ
пшѣннѣшемъ смыслѣ), кошорый составляютъ пять
планетъ, солнце и луна, и *небо*—подлунная часть
міра, состоящая изъ земнаго шара съ его атмо-
сферою. Последней части Пифагорейцы давали въ
удѣлъ добродѣтель, какъ еще не имѣющую совер-
шенства, но только спремещающуюся къ нему, а
области космоса—мудрость совершенную (2).—Из-

(1) Stob. ecl. I. p. 420. *καὶ τὸ μὲν ἀμετάβλαστον αὐτῆ (sc. τῆ
κόσμου), τὸ δὲ μεταβάλλον ἐστὶ καὶ τὸ μὲν ἀμετάβολον ἀπὸ τῆς
τὸν ὅλον περιέχουσας ψυχᾶς μέχρι σελήνης παραιῖται, τὸ δὲ
μεταβάλλον ἀπὸ τῆς σελήνης μέχρι τῆς γῆς. Cf. Vit. Pythag.
ap. Phot. 10, II.*

(2) Stob. ecl. I. p. 488. *τὸ μὲν ἂν ἀνωτάτω μέρος τῆ περιέ-
χοντος, ἐν ᾧ τὴν εἰλικρινεῖαν τῶν στοιχείων, Ὀλυμπον καλεῖ,
τὰ δὲ ὑπὸ τὴν Ὀλύμπω φορᾶν, ἐν ᾧ τὰς πέντε πλανήτας μεθ' ἧλων
καὶ σελήνης τετάχθαι, κόσμον· τὸ ὑπο-τέτοις ὑποσέληνον τε καὶ
περίγειον μέρος, ἐν ᾧ τὰ τῆς φιλομεταβολῆς γενέσεως, ἔρανον·
καὶ περὶ μὲν τὰ τεταγμένα τῶν μετεώρων γίνεσθαι τὴν σο-
φίαν, περὶ δὲ τὰ γινόμενα τῆς ἀταξίας τὴν ἀρετὴν, τελείαν μὲν
ἐκείνην, ἀτελεῆ δὲ ταύτην. Раздѣленіе не совсемъ ясно: въ немъ
не упоминается ни о прошивоземли, но о центральномъ огнѣ.
И Олимпъ, хотя περιέχον, не должно смѣшиваться съ сферою
неподвижныхъ звѣздъ.*

мнѣяемость, господствующую на землѣ, должно почищать причиною того, что многое на ней предсавляеяся случайнымъ (1); чего не было бы, если бы все успроено было по законамъ гармоніи. Пиеагорейцы не забыли приписать несовершенству земли и то общошательство, что свѣтъ средопочнаго огня передають намъ солнце и другія свѣшила небесныя, между шѣмъ какъ сіи заимшвуютъ его непосредственно опъ средопочнаго огня (2).

Хотя Пиеагорейское ученіе о несовершенствѣ, господствующемъ на землѣ, могло основываться на опытѣ: однако, поелику у нихъ вообще все какъ нибудь визалось съ числами, то и для сего ученія есть численная аналогія. Аристошель упоминаеть, что Пиеагорейцы съ словами *верхъ* и *низъ* соединяли извѣстныя поняшія, и напр. говорили, что въ одной часпи міра господшвуетъ мнѣніе (*δόξα*) и удобное время (*καιρός*), а нѣсколько повыше или пониже, несправедливосшь: мѣспа имъ опредѣлены числами (3). Изъ сего видно, что Пиеагорейцы съ

---

(1) Aristoxen. ap. Stob. ecl. I. p. 206; vita Pyth. ap. Phil. II.

(2) Philol. ap. Stob. I. p. 528.

(3) Arist. met. I. 7. ὅταν γὰρ ἐν τῶδὲ μὲν τῶ μέρει δόξα καὶ καιρός αὐτοῖς ᾖ, μικρόν δὲ ἄνωθεν ἢ κάτωθεν ἀδικία καὶ κέρως ἢ μίξις, ἀπόδειξι δὲ λέγουσιν, ὅτι τῶτων μὲν ἐν ἑκάστων ἀριθμὸς ἐστὶ, συμβαίνει δὲ κατὰ τῶτον ἢδὴ τὸν τόπον πληθῶς

каждымъ изъ шѣлъ небесныхъ, судя по тому, какое занимають они мѣсто въ мірѣ, высшее или низшее, соединяли определенное понятіе, сообразуясь съ числомъ определяющимъ мѣсто его, предположивъ, что каждому числу соотвѣтствуетъ извѣстное понятіе. Такимъ образомъ они утверждали, что небесное шѣло, занимающее второе мѣсто, есть жилище *мысли*, пошому что число два у нихъ служишь символомъ мысли; а шѣлу небесному, которое занимаетъ седьмое мѣсто, давали въ удѣлъ *удобное время*, пошому что сіе понятіе означалось у нихъ числомъ *семь* (1). Само собою разумѣется, что однимъ Пифагорейцамъ позволено шакъ смѣло и произвольно характеризовашъ шѣла небесныя. Но замѣчательно, что изъ всѣхъ чиселъ одна

εἶναι τῶν συνισαμένων μεγεθῶν διὰ τὸ τὰ πάθη ταῦτα ἀκολουθεῖν τοῖς τόποις ἑκάστοις, πότερον οὗτος ὁ αὐτὸς ἀριθμὸς ἐστὶν ὃ ἐν τῷ ἔρανφ, ἢ ὃν δεῖ λαβεῖν ὅτι τέτων ἑκάστῳ ἐστὶν, ἢ παρὰ τῆτον ἄλλος.

(1) Alex. Aphrod. in Arist. met. I. 7. fol. 14 a. Sed de ordine coelesti numerorum, quem Pythagorici asserebant, meminit (Aristoteles) in secundo libro de opinione Pythagoreorum. (За симиъ слѣдующиъ слова Аристотеля, выше приведенныя.) Qui res numeros esse dicebant, in hoc ordine ipsas in coelo collocabant, quo hoc, quod res ipsas esse dicebant, ex. gr. quem ordinem dualitatem habere rebantur, hunc opinionem in mundo obtinere confirmabant, quoniam his dualitas erat opinio. Rursus quem ordinem numerus septem obtineret, hunc in mundo assignabant tempestivitati, utique quoniam hunc numerum tempestivitatem esse censebant.

двоица не пользовалась у них уваженіемъ, пошому что они почитали ее началомъ *гета* и *множества*. *Мнѣніе* казалось имъ несовершеннымъ, по сравненію съ знаніемъ. Иные называли двоицу распрію и наглосью (1). Между тѣлами небесными первое мѣсто ошъ средоточнаго огня занимаетъ *проти-воземліе*, а земля—второе: нельзя было Пиаго-рейцамъ не заключить, что несовершенство обви-таешъ только на землѣ!

Поелику Пиагорейцы полагали, что мірообра-зованіе, какъ гармоническое раскрытіе перваго одинаго, начинаясь съ несовершеннаго, просираешъ далѣе и далѣе, и восходишь къ лучшему и совершеннѣйшему: шо можно догадывашься, что они допускали различныя поспешности въ міро-образованіи. Намекъ на сіе ученіе ешъ у Филолая, кагда онъ говоришь, что срединный огонь первый въ мірѣ получилъ гармоническое образованіе. Посему настоящее состояніе міра они, кажешся, почитали раскрытіемъ всемірной жизни, достигшимъ довольно высокой степени совершенства; иначе не могло бы произойти гармоніи сферъ небесныхъ. По крайней мѣрѣ слѣды шого ученія, что движеніе тѣлъ небесныхъ прежде было не-шоль правильное, какъ нынѣ, можно находишь въ ихъ объясненіи млечнаго

---

(1) Plat. de Is. et Os. 75; cf. theolog. arithm. 2.

пуши. Они думали, что сей пущь проложенъ или какою нибудь звѣздою, упавшею во время безпорядковъ, произведенныхъ нѣкогда на небѣ мнѳическимъ Фазшономъ, или солнцемъ, которое можешь бышь прежде ходило симъ мѣшомъ (1). И настпойщій мѣръ Пиеагорейцы обрели, кажешя, на различныя измѣненія. Хотя Филолай говоришь, что «мѣръ сей оцъ вѣка и во вѣкъ пребываетъ, единъ оцъ единого, сродного, и всемошнаго, и верховнаго управляемый» (2), однако вѣчнощи цѣлаго мѣра не прошиворѣчишь невѣчношь, измѣняемость частей его. Особенно землю, сѣ жилище нестроеній, Пиеагорейцамъ надлежало почивашь преходящею. Ешь сказаніе, что Филолай разсуждалъ о цпаніи и разрушеніи земли (3), кои онъ производилъ частію оцъ огня небеснаго, частію оцъ воды лунной; и хощя очень правдоподобна догадка, что Филолай разумѣешь здѣсь непрерывныя измѣненія, нынѣ происходящія на землѣ: однако можно полагаешь, что въ семь мѣстѣ

---

(1) Arist. meteorol. I. 8.

(2) Stob. ecl. I. p. 418. Φιλόλαος ἀφθαρτον τὸν κόσμον. λέγει γούν οὕτως ἐν τῷ περὶ ψυχῆς· παρὸ καὶ ἀφθαρτος καὶ ἀκαταπόνητος διαμένει τὸν ἀπειρον αἰῶνα· ἔτε γὰρ ἐντοσθεν ἄλλα τις αἰτία δυναμικώτερα αὐτῶς εὐρεθήσεται ἔτ' ἐκτοσθεν φθείραι αὐτὸν δυναμένα, ἀλλ' ἢς ὁδε ὁ κόσμος ἐξ αἰῶνος καὶ εἰς αἰῶνα διαμένει, εἰς ὑπὸ ἑνὸς τῷ ξυγγενέω καὶ κρατίσω καὶ ἀντιπερτάτω κυβερνώμενος.

(3) Plut. de pl. ph. II. 5.

скрывается намекъ на имѣющее вѣкогда послѣ-
довать всеобщее измѣненіе нашей планеты; можешь
быть, Пифагорейцы поберегли ее для лучшаго и
совершеннѣйшаго усшроенія.

Въ Пифагорейскомъ ученіи, что средоточный
огнь, часшію непосредственно, часшію посредствен-
но, изливается на всѣ шѣла небесныя, выражаеш-
ся мысль, что всѣ сїи шѣла живутъ одною все-
общею жизнью. Сїя же мысль видна и въ шомъ,
что Пифагорейцы во всякой вещи находили жизнь,
по крайней мѣрѣ зародышъ жизни. Жизнь они
дѣлили на *четыре степени*. Первую занимаешъ жизнь,
свойственная и общая всѣмъ вещамъ, подлежащимъ
измѣненію; вторую—жизнь расшениъ, коея органъ
пупокъ; третью—жизнь бессмысленныхъ живошныхъ,
имѣющихъ душу и чувшва; органъ сей жизни—сердце.
На четвершой степенѣ Пифагорейцы посшавили
человѣка, одареннаго разумомъ: органъ жизни его
голова; особенно мозгъ. Сїи степенѣ шакъ распо-
жены, что на высшей находишся все, что ешть на
низшей (1).—И съ симъ ученіемъ безъ сомвнїя

---

(1) Theol. arithm. 4. p. 22. καὶ τέσσαρες ἀρχαὶ τῆ ζωῆ τῆ λογικῆ, ὡπερ καὶ Φιλόλαος ἐν τῷ περὶ φύσεως λέγει, ἐγκέφαλος, καρδία, ὀμφαλός, αἰδοῖον· κεφαλὰ μὲν νόω, καρδία δὲ ψυχῆ καὶ αἰσθησίῳ, ὀμφαλός δὲ ριζώσιω καὶ ἀναφύσιῳ τῷ πρώτῳ, αἰδοῖον δὲ σπέρματι, καταβολὰς τε καὶ γεννάσιῳ· ἐγκέφαλος δὲ τὰν ἀνθρώπων ἀρχάν, καρδία δὲ τὰν ζωῶ, ὀμφαλός δὲ τὰν φυτῶ, αἰδοῖον δὲ τὰν ζυμπάντων.

вжешся какъ нибудь образомъ численная теорія, но шрудно ошъискать сію связь. Извѣстно шолько, что Пиеагорейцы изъ чешырехъ первыхъ числъ слагали шѣла математическія, изъ пшерицы—физическія, а слѣдующими числами означали порядки жизни высшей. Такимъ образомъ число *шесть* едва ли не означало у нихъ жизни расшительной, *семь*—живошной, *восемь*—человѣческой. Символомъ жизни высшей, въ *космосѣ*, шо есть, на прочихъ планешахъ, кошорой Филолай даешь въ удѣлъ премудрости, должно бышь число *девять*; а *десятокъ*, какъ ужъ извѣстно, означалъ у Пиеагорейцевъ всемірную жизнь и послѣднее начало всѣхъ вещей (1). Послику жъ низшія степеня жизни опшичаются

---

(1) Theol. arithm. 8. p. 56. *Фил. δὲ μετὰ τὸ μαθηματικὸν μέγεθος τριῶν διασάν ἐν τετραδὶ ποιεῖται καὶ χρῶσιν ἐπιδειξαμένης τῆς φύσεως ἐν πεντάδι, ψύχωσιν δὲ ἐν ἑξάδι, ὕψιν δὲ καὶ ὑψίστην καὶ τὸ ὑπ' αὐτῆ λεγόμενον φῶς ἐν ἑβδομάδι, μετὰ ταῦτα φησὶν ἕρως καὶ φιλίαν καὶ μῆτιν καὶ ἐπίνοιαν ἐπ' ὀδοῦδι συμβῆναι τοῖς ἕσιν.* Нѣсколько сбивчиво: *ψύχωσις* приписывается шестеричному, а *ὑψς* седемичному числу, между шѣмъ какъ, по приведенному предъ симъ мѣспу изъ Филолая, надлежало бы кажешся *ψύχωσιν* приписать седемичному (живошнымъ), а *ὑψ* осмеричному числу (человѣку). Но Пиеагорейцы *ὑψ* приписывали и живошнымъ; а *ψύχωσιν* можно приписать и расшениямъ: по крайней мѣрѣ невѣрошшно, чтобы Пиеагорейцы въ исчисленіи постепенностей жизни забыли упомянуть о расшенихъ. *Μῆτις* и *ἐπίνοια* весьма приличествуютъ челоѣку. Что девятишное число, какъ ближайшее къ деснишному, у Пиеагорейцевъ пользовалось опшичнымъ уваженіемъ, это видно изъ theol. arithm. 9.

одна отъ другой извѣсною организаціей: по Пифагорейцы, кажется, и живымъ существамъ, обитавшимъ на другихъ небесныхъ сферахъ, приписывали организацію, отличную отъ человеческой. Есть на это указаніе, хотя неясное, и у Филолая (1). — Миръ, какъ извѣстно, Пифагорейцы представляли себѣ круглымъ (2).

Въ изложенномъ ученіи Пифагорейцевъ о гармоническомъ соединеніи всѣхъ частей міра, мѣстами выказывающіяся такія понятія, которыя имѣють отношеніе къ духовной, особенно къ нравственной жизни: все чисто физическое, если не основывалось на числѣ и фигурѣ, у нихъ занимало подчиненное мѣсто (3). Посему душа *человѣческая* долженствовала быть особеннымъ предметомъ ихъ изслѣдованій. Они называли ее числомъ (4) и гармоніей (5): значить, числа и здѣсь не забыты. Но какое они имѣли понятіе о душѣ, изъ сихъ ея наименованій еще не видно. Если по не подлежащъ

---

(1) Stob. ecl. I. p. 562.

(2) Philol. ap. Stob. ecl. I. p. 452, 468.

(3) Такъ разумѣть надобно слѣдующія слова Аристотеля (мет. I. 9):
*ὁ δὲ περὶ πῦρός ἢ γῆς ἢ τῶν ἄλλων τῶν τοιούτων εἶδ' ὅτι οὐκ εἰρη-
κασιν, ἄρα εἰδὲν περὶ τῶν αἰσθητῶν οἶμαι λέγοντες ἴδιον.*

(4) Plat. de pl. ph. IV. 2; de anim. procr. I. 2.

(5) Philol. ap. Macrob. somn. Scip. I. 14; Claud. Mamert. II. 7; cf. Arist. de anim. I. 4; polit. VIII. 5.

сомнѣнію, что Пиеагорейцы всѣ явленія частной жизни выводили изъ всеобщей, по можно полагать, что всѣ души у нихъ были измѣненіемъ одной всемірной души (1). Позднѣйшіе выражали сію мысль въ формулѣ: «душа ошвнѣ входитъ въ шѣло» (2), иначе и яснѣе: «душа даеся шѣлу посредствомъ числа и безсмертнаго, и вмѣстѣ безшѣлеснаго сходства» (3). Если вспомнимъ при семъ, какъ Пиеагорейцы изъ отношеній числъ и единицъ производили шѣла, и какъ Платонъ разумѣетъ Пиеагорейскую мысль, что душа есть гармонія, когда влагаешь ее въ уста *Симмил*, ученика Филолаева (4): то кажешся не ошибемся, если заключимъ, что Пиеагорейцы почитали душу какимъ-то численнымъ отношеніемъ, сообщающимъ шѣлу гармонію. Сія догадка согласна съ ученіемъ Филолая, что различное усроеніе органовъ предполагаетъ различныя души. Основываясь на сихъ соображеніяхъ, можно было бы думать, что душа, по мнѣнію Пиеагорейцевъ, хотя безшѣлесна (5) (шакъ же,

---

(1) Plut. de pl. ph. IV. 7.

(2) Stob. ecl. I. p. 790.

(3) Claud. Mam. I. I. anima inditur corpori per numerum et immortalem eandemque incorpoream convenientiam.

(4) Phaed. p. 85: sq.

(5) Claud. Mam. I. I.; Plát. Phaed. I. I. *ὡς ἡ μὲν ἀρμονία ἀδρα-
τον τι καὶ ἀσώματον.*

какъ у нихъ безшѣлесны и числа, начала шѣль), однако можешь являть себя шолько въ извѣстномъ шѣль.

Съ ученіемъ о душѣ имѣеть шѣсную связь ученіе о *духахъ* (*δαίμων*) и *герояхъ*. Пиеагорейцы дивились, когда кто говорилъ имъ о себѣ, что онъ не видывалъ духовъ (1); и пошому явленіе духовъ у нихъ считалось дѣломъ довольно обыкновеннымъ. Духовъ дѣлили они на добрыхъ и злыхъ (2). Духи предуведомляють людей объ угрожающей имъ бѣдѣ, болѣзни; ошъ нихъ же происходяшь сновидѣнія (3). Если съ сими сказаніями сличимъ свидѣтельство Аристошеля, конорый говоритъ, что нѣкоторые Пиеагорейцы называли душею пылинки, носящіяся въ воздухѣ и замѣчаемыя нами при солнечномъ сіяніи, а другіе — шо самое, что приводишь въ движеніе сіи пылинки (4); и если при семъ вспомнимъ, что души, носящіяся въ воздухѣ, Пиеагорейцы называли духами и героями (5): шо должны будемъ согласишься, что души, по ихъ ученію, могли

---

(1) Arist. ap. Apulej. de deo Socr. p. 53. ed. Francof.

(2) Plut. de Is. et Os. 25; de plac. phil. I. 8.

(3) Diog. L. VIII. 32. Cic. de div. I. 3; II. 58.

(4) De anim. I. 2. ἔφασαν γάρ τινες αὐτῶν, ψυχὴν εἶναι τὰ ἐν τῷ αἰέρι ξύσματα, οἱ δὲ τὸ ταῦτα κινῶν.

(5) Diog. L. I. 1.

жишь и безъ органическаго шѣла, хотя жизнью несовершенною, похожею на сонъ (1), и что ихъ духи и герои не что иное были, какъ тѣ души, кошорыя не вошли еще въ шѣла человѣческія и скопскія, или уже разлучились съ ними. Послѣ сего и Пифагорейское переселеніе душъ (*μετεμψύχωσις*) будешь поняшно. Они учили, что души, разлучившіяся съ своими шѣлами, могутъ опять входить въ другія шѣла (2), сославлять и поддерживавъ собою ихъ гармонію. Впрочемъ не всякая душа можеть входить во всякое шѣло: душа должна *приходиться* къ шѣлу. Кромѣ сего, души могутъ странствовать только по шѣламъ живоныхъ (3): ибо, по словамъ Филолая, расшенія имѣють жизнь, но не имѣють души (4); и души могутъ жить не въ человѣческомъ только или живономъ шѣлѣ, но и безъ шѣла, часшію прежде своего соединенія съ нимъ, часшію же послѣ разлученія съ нимъ, до поселе-

---

(1) Porphyr de antr. Numph. 28.

(2) Arist. de anim. I. 3. *ἄσπερ ἐνδεχόμενον κατὰ τὰς Πυθαγορείας μύθους τὴν τυχῶσαν ψυχὴν εἰς τὸ τυχὸν ἐνδύσθαι σῶμα.* Самые древніе слѣды сего ученія находятъ у Ксенофана. Diog. L. VIII. 35.

(3) Противное сему говорится Theodoret. haeret. fab. comp. V. 20.

(4) Diog. L. VIII. 28.

нія въ новомъ шѣлѣ. — Впрочемъ вообще ученіе о переселеніи душъ шемно : кажешся , оно принадлежало къ числу священнымъ миеовъ Пиеагорейскихъ (1), и пошому многое въ немъ должно понимать въ иносказательномъ смыслѣ. Особенно мысль , что душа можешъ жишь и внѣ ограническаго шѣла , не совсѣмъ вяжешся съ ихъ ученіемъ , что душа ешъ гармонія шѣла , и въ своихъ дѣйствіяхъ зависишь ошь шѣлесныхъ органовъ. Извѣшно шолько изъ одного повѣствованія , что Пиеагорейцы находили гармонію и въ душахъ , разлучившихся съ шѣломъ , и не сливали ее съ всемірною гармоніей. Разсказываюшь , что *Зеритъ* повѣрилъ одному пашуху , слышавшему будшо голосъ Филолая на его могилѣ , и шолько спросилъ , какую онъ шѣлъ гармонію (2). — Съ ученіемъ о переселеніи душъ имѣешъ шѣсную связь вѣра въ награжденія и наказанія по смерши , не допускавшая разрушенія личности. Порочнымъ назначенъ въ жилище тарсаръ , гдѣ спрашишь ихъ громъ (3). Они не имѣюшь сообщенія съ добрыми ; Фуріи держашъ ихъ въ швердыхъ оковахъ.

---

(1) Arist. de anim. I. 3.

(2) Jambl. γ. P. 139. 148.

(3) Arist. anal. post. II. 11. Cf. Plat. Phaed. p. 113; de rep. X. p. 616.

Добрыя возносящя въ горня, и жипельшвуюшь
вмѣстѣ (1).

Соединеніе души съ шѣломъ представляло Пи-
агорейцамъ случай коснуться главнаго своего ученія
съ другой стороны. Если ш. е. все состоишь подѣ
управленіемъ Божешвеннаго Промысла, шо по его
же распоряженію и душа соединяетсѣ съ шѣломъ,
въ кошоромъ живеть, какъ бы во гробѣ заключенная,
будшо въ наказаніе за какое нибудь пресупленіе
(2); а посему никшо не имѣеть права оспавляшь
самовольно шо мѣсто, на кошоромъ посшавлень.
И блага счастья и природныя дарованія дающя
человѣку по Божіему усмошрѣнію: эшо доля, судь-
ба его (3). Въ семъ ученіи нельзя не примѣнить
религіознаго и нравспвеннаго характера Пиаго-
рейцевъ, образовавшягося подѣ вліяніемъ увѣренности
ихъ въ несовершенствѣ земной жизни. Но хошя
нельзя почишашъ пребыванія души въ шѣлѣ благо-
пріятнымъ для ней сосшояніемъ, однако шѣло нужно
ей: оно даеть ей органы для дѣяшельности и

---

(1) Diog. VIII. 31; Plat. n. posse suav. vivi sec. Epic. 28.

(2) Philol. ap. Clem. Alex. Strom. III. p. 433. *μαρτυρόνται δὲ
καὶ οἱ παλαιοὶ θεολόγοι τε καὶ μάντιες, ὡς διὰ τινος τιμωρίας
ἡ ψυχὴ τῷ σώματι συνέχεται καὶ καθάπερ ἐν σώματι τῆς
τέθλιπται.* Plat. Phaed. p. 61. sq. Athen. IV. 14. p. 157; Diog.
L. VIII. 31; Cic. de Senect. 20.

(3) Aristoxen. ap. Stob. ecl. I. p. 206.

познаванія. Сію мысль выражали Пиеагорейцы въ словахъ: «душа любитъ шѣло, пошому что безъ него не можешь пользоваться чувспвами», которыя нужны ей для приобръшенія познаній (1). Такимъ образомъ пребываніе души въ шѣлѣ Пиеагорейцамъ казалось, съ одной спороны, соспоаніемъ злополучнымъ, а съ другой, необходимымъ для ея усовершеншвованія, по общему закону вещей, шребующему, чтообъ все восходило посшепенно опъ менѣ совершеннаго къ болѣ совершенному.

Пиеагорейцы, какъ выше упомянушо было, жизнь дѣлили на спепени, и низшія изъ нихъ включали въ высшія: подобнымъ образомъ они дѣлили и *душевыя способности*. Основаніе дѣленія они заимшвовали опъ различія между человѣкомъ и прочими живыми сущесшвами. Душа, по ихъ понятію, соспоишь изъ разумной и неразумной часши; скошы имѣюшь одну первую, человѣкъ обѣ (2). Другіе

---

(1) Claud. Mam. l. 1. Diligitur corpus ab anima, quia sine eo non potest uti sensibus. Philol. ap. Stob. ecl. I. p. 8. *νῦν δὲ οὗτος (ὁ ἀριθμὸς) κατὰν ψυχὰν ἀρμόζων αἰσθήσει πάντα γνωστά καὶ ποιάγορα ἀλλήλοις κατὰ γνώμονος φύσιν ἀπεργάζεται.* Cf. Plut. quaest. Rom. 10.

(2) Galen. de Hipp. et Plat. plac. IV. 7; V. 6. sec. Posidonium; Cic. qu. Tusc. IV. 5. Pythagoras primum, deinde Plato apinam in duas partes dividunt, alteram rationis participem, alteram expertem; in particiпе rationis ponunt tranquillitatem, id est placidam quietamque constantiam; in illa altera motus turbidos tum irae, tum cupiditatis, contrarios inimicosque rationi.

приписываютъ Пифагорейцамъ дѣленіе души на три части; но неясны сказанія о семъ древнихъ. Большая часть позднѣйшихъ приписываетъ Пифагорейцамъ Платоново раздѣленіе души на желательную, раздражительную и разумную часть; но ихъ авторитетъ не заслуживаетъ довѣрія. Есть еще сказаніе о семъ предметѣ, замѣчательное особенностью выраженій, — будто ш. е. Пифагорейцы силу исключительно свойственную человѣку называли *φρένας*, а общую ему со скопами — *νῆς* и *θυμός*; *φρένας* и *νῆς* помѣщали въ мозгу, а *θυμόν* въ сердцѣ (1). Сіе раздѣленіе можно было бы согласить и съ Филолаевыми степенями жизни; только неужели Пифагорейцы не знали, что и скопы имѣютъ мозгъ? Развѣ не хотѣли ль они сказать этимъ, что мозгъ животныхъ несовершеннѣе человѣческаго? Кроме сего, у Филолая *νῆς* составляетъ собственность человѣка. Такимъ образомъ нельзя иначе защитить вышеприведеннаго сказанія, какъ

---

(1) *Ding. L. VIII. 30. τὴν δὲ ἀνθρώπιν ψυχὴν διαιρεῖσθαι τριῆ, εἰς τε νῆν καὶ φρένας καὶ θυμόν. νῆν μὲν εἶναι καὶ θυμόν καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις ζώοις. φρένας δὲ μόνον ἐν ἀνθρώπῳ. εἶναι δὲ τὴν ἀρχὴν τῆς ψυχῆς ἀπὸ καρδίας μέχρι ἐγκεφάλου. καὶ τὸ μὲν ἐν τῇ καρδίᾳ μέρος αὐτῆς ὑπάρχειν θυμόν. φρένας δὲ καὶ νῆν τὰ ἐν τῷ ἐγκεφάλῳ.* Тоже, хотя не пѣмяжь словами, говорится *Plut. de pl. ph. IV. 5. Πυθ. τὸ μὲν ζωτικὸν περὶ τὴν καρδίαν, τὸ δὲ λογικὸν καὶ νοερὸν περὶ τὴν κεφαλὴν.*

предположивъ, что у Пифагорейцевъ сія часть души означалась различными наименованіями.

Раздѣленіе души на двѣ части, разумную и неразумную, имѣло ближайшее отношеніе къ познавательной дѣятельности чловѣка. Способность познавательную Пифагорейцы поспавляли въ зависимости отъ организаціи шѣлесной, и посему учили, что и въ скопахъ есть зародышь разума, но не раскрывается до такой степени, какъ въ чловѣкѣ, пошому, что они не имѣють споль же совершеннаго шѣла и еще способности говорить (1). Сія мысль извлечена Пифагорейцами не изъ опыта, и пошому произошла, кажется, изъ ихъ склонности находить вездѣ по крайней мѣрѣ возможность разума. Сія склонность обнаруживается во всемъ ихъ ученіи. — Поставляя разумъ въ зависимости отъ шѣлеснаго усшршенія Пифагорейцы, значить, не отшвергали чувственнаго познанія, но кажется, и не приписывали ему большой важности. Математическія истины у нихъ занимали самое почетное мѣсто въ области вѣдѣнія, а истины сіи почерпаются не изъ опыта. Поелику они учили, что подобное познается подобнымъ (2), то вѣроятно полагали также, что посредствомъ шѣлесныхъ

---

(1) Plut. de pl. ph. V. 20.

(2) Sext. Emp. adv. math. VII. 97.

чувствъ мы познаемъ только шѣлесныя качества вещей, а не самыя начала явленій. Такимъ образомъ явленія музыкальной гармоніи, по ихъ словамъ, измѣряются ухомъ, а отношенія опредѣляются разумомъ (1), и, по мнѣнію Филолая, математическій смыслъ есть критерій истины (2). То есть, число и гармонія есть источникъ всякой истины, и если бы ихъ не было въ вещахъ, то для насъ не существовало бы истины. Слѣдственно, число служишь связію между душою познающею и вещами познаваемыми: душа есть число и гармонія, и въ вещахъ подлинно познаемъ мы только число и гармонію; и если не можемъ созерцать непосредственно источника всякой истины, сущности вещей, какъ она есть сама въ себѣ, то можемъ, при посредствѣ чувствъ, отыскивать разумомъ слѣды ея въ вещахъ видимыхъ (3). — И такъ ученіе о познаніи у Пифагорейцевъ имѣеть также шѣсную связь съ ихъ числительною теоріею.

Раздѣленіе души на двѣ части имѣло у Пифагорейцевъ и нравственное значеніе. По свидѣтельству Аристотеля, Пифагорейцы первые обра-

---

(1) Porphyg. in Ptol. harm. p. 208; Boeth. de mus. l. 9; cf. V. 16.

(2) Sext. Emp. l. 1.

(3) Stob. ecl. I. p. 8. *ἔ γὰρ ἡς δῆλον ἐθενι ἐθεν τῶν πραγμάτων ἔτε αὐτῶν ποθ' αὐτὰ ἔτε ἄλλῃ ποθ' ἄλλο, εἰ μὴ ἡς ἀριθμὸς καὶ ἃ τέτω ἐσσία· νῦν δὲ κτλ.* Theol. arithm. 10. p. 61.

шили вниманіе на нравственную Философію (1); но кажешся, ихъ заслуги по сей части не велики. Учили ль они, и чему учили, о верховномъ благѣ, или послѣдней цѣли всѣхъ нравственныхъ поступковъ, рѣшить невозможно: позднѣйшія сказанія о семъ предметѣ слишкомъ разногласяшь (2). Чшо они какъ нибудь опредѣляли понятіе добродѣтели, объ этомъ можно заключать изъ того, что Филолай усвоишь ее одной землѣ. Увѣряюшь, что они называли добродѣтель гармоніей (3). Подъ сею гармоніей они разумѣли, кажешся, согласіе разумной и неразумной части чело-вѣка въ продолженіе всей его жизни. Ибо, съ одной стороны, если Филолай утверждалъ, что «иные побужденія сильнѣе насъ» (4): то, кажешся, онъ разумѣлъ здѣсь безразсудныя пожеланія, которыя, впрочемъ, чело-вѣкъ долженъ преодолевать, если хочешъ вести мирную и гармоническую жизнь. Посему и Пиеагорейская музыка имѣла то назначеніе, чшобъ утишать, спрасци, и поддерживать

---

(1) Eth. magn. I. 1.

(2) Stob. ecl. II. p. 64, 66; serm. XI. 25; Clem. Alex. serm. IV. p. 535; Jambl. v. P. 137; Procl. in Plat. Alcib. prim. III. p. 72; in Plat. Parm. II. p. 78, 112. ed Cous.; Heracl. Pont. ap. Clem. Alex. Strom. II. p. 417.

(3) Diog. L. VIII. 33.

(4) Arist. eth. Eud. II. 8. *ἄλλαι τινες λόγου κρείττους ἴσται.*

въ чловѣкѣ дѣятельную силу (1). Съ другой стороны, есть свидѣтельство, что Пифагорейцы заботились о гармоническомъ устроеніи всей жизни: они совѣтовали размышлять о прошедшемъ и будущемъ, и цѣлю сего занятія поставляли нравственное преслѣваніе (2). Пифагорейское ученіе о добродѣтеляхъ въ частности, передано намъ свидѣтелями не спокующими довѣрія: знаемъ только изъ хорошаго источника, что *справедливость* Пифагорейцы называли числомъ равно равнымъ (*ἰσότης ἴσος*), что есть, поставляли въ возмездіи (3).

У Пифагорейцевъ мы не находимъ систематическаго раскрытія началъ *политическихъ*, хотя, по всей вѣроятности, они имѣли какія нибудь общія правила для своего руководства въ дѣлахъ общественныхъ. Напрощивъ приписываютъ имъ множество правилъ житейскихъ. Кто не знаетъ мѣстностей и отношеній, въ которыхъ образовалась Пифагорейская школа, тотъ не пойметъ значенія и связи сихъ правилъ. Впрочемъ они заслуживаютъ вниманіе изслѣдователя: изъ нихъ можно получить опредѣленнѣйшее понятіе о характерѣ Пифагорейскаго

---

(1) Plut. de Is. et Os. 81; de virt. mor. 3; de mus. 37; Porphyr. v. P. 30; Jambli. v. P. 64.

(2) Carm. aur. v. 40. sq.; Cic. de sen. 11; Porph. v. P. 40; Jambli. v. P. 165.

(3) Arit. eth. magn. I. 1.; eth. Nic. V. 5.

союза. Вообще можно замѣтить, что въ Пифагорейскихъ софѣсахъ и заповѣдяхъ выражается пвердая привязанность къ религіи. Такимъ образомъ приписываютъ Пифагорейцамъ изреченіе: «мы дѣлаемся лучшими, когда прислушаемся (приближаемся) къ богамъ» (1). Всю жизнь челоуѣка они подчиняли надзору боговъ; почиали ее должностью, возложенною на насъ богами, и пѣмъ доказывали гнусность самоубійства (2). Архитъ говорилъ, что судія и алшаръ одно и тоже, ибо къ тому и другому прибѣгаешь обиженный (3); и мужъ не долженъ обижать жены своей, пошому что она взяла имъ опъ алшаря, при кошоромъ какъ бы искала себѣ убѣжища (по обычаю древнихъ) (4). — Большая часть Пифагорейскихъ правилъ имѣють аскетическій характеръ. Они повелѣвають прошивостоять чувственнымъ пожеланіямъ и спрашивать (Пифагорейцы славились особенно умнѣемъ укрощать свой гнѣвъ), быть вѣрными своему слову, дружески любить другъ друга (образцы дружества, Дамонъ и Финтій, считающся Пифагорейцами), приучаться къ алыбѣ и жадѣ, къ шрудамъ и къ

---

(1) Plut. de def. orac. 7; de superssit. 9.

(2) Boeckh's Philol. N. 23.

(3) Arist. rhet. III. 11.

(4) Arist. oecon. I. 4; Jambl. v. P. 84.

перенесенію всякого рода физических непріятностей. Они говорили: «ношу надлежишь не уменьшать, но увеличивать» (1). Нельзя не замѣтить въ сихъ правилахъ суроваго, хотя нѣсколько смягченнаго философіей, характера Дорянъ. Поелику же поставляя цѣлю аскетички нравственности, Пифагорейцы знали, что шѣ лишь упражненія могутъ обѣщать пользу, къ которымъ человекъ приучился съ малодѣтства: по воспитанію, и его неопытлемыя (по понятію Грековъ) принадлежности, Гимнастика и Музыка, были предметомъ особеннаго ихъ вниманія. Воспитанію вообще они почитали дѣломъ большой важности какъ для частнаго человека, такъ и для всего государства (2).

Впрочемъ нравственное направленіе Пифагорейской Философіи выражается не столько въ отдѣльныхъ изреченіяхъ, сколько въ цѣлой системѣ. Пифагорейцамъ все предсавлялось въ какомъ-то, если можно такъ сказать, нравственномъ свѣтѣ. Образованіе міра у нихъ есть гармоническое раскрытіе перваго начала всѣхъ вещей, и цѣль сего раскрытія не внѣшнее благодѣіе и изящество, но добродѣтель и мудрость, на землѣ и въ космосѣ.

---

(1) Jambl. protrept. 21. p. 131. sq.; Porph. v. P. 42. c. not. Ritterh.; Plut. de frat. am. 17; de exil. 8; Aristox. ap. Stob. serm. X. 67. etc.

(2) Aristoxen. ap. Stob. serm. XLIII. 49.

Впрочемъ добродѣтель и мудрость не изкони существующую, а раскрываются поспешенно, по мѣрѣ раскрытія жизни всемірной и жизни душъ, имѣющихъ общеніе со всемірною силою. Посему міръ, при всемъ своемъ наспоющемъ несовершенствѣ, усроенъ сообразно съ нравственными началами: въ одной части его господствуетъ несправедливость, въ другой благопріятный случай, далве добродѣтель, мудрость; души получаютъ отъ Міроправителя награду и наказаніе за свои поспулки. Эшо впрочемъ одна спорона Пиеагорейской системы. Другая болѣе склоняется къ Машемашикѣ, но не опдѣляется ошъ первой: ихъ связуетъ поняшіе порядка, гармоніи. Разсмапривая Пиеагорейское ученіе съ сей спороны, особенностью его надобно признать шо, что основаніемъ всѣхъ физическихъ явленій оно почиаетъ машемашичскія фигуры и числа. Но самыя фигуры и числа оно производитъ опяшь изъ шого, что единству основнаго начала по необходимости надлежало раздробиться на множество вещей и явленій. Такимъ образомъ и здѣсь предполагается какое-то источникое несовершенство, выводимое изъ необходимости раздробленія на противоположности: сіе предположеніе можно пакже почипать связью между шою и другою спороной Пиеагорейскаго ученія. Верховная единица, изъ кошорой все происходитъ, и начала, кошорыя въ ней содержатся, безъ

сомнѣнія, ни по формѣ, ни по содержанію не подлежащъ чувственному наблюденію; и въ семъ отношеніи Аρισотель имѣлъ право сказать, что Пифагорейскія начала принадлежатъ къ области, высшей видимыхъ вещей (1). Но верховная единица имѣетъ оспрѣщенную полноту и единичность только въ умѣ, а въ дѣйствительности она есть міръ образующійся, и въ семъ отношеніи входитъ въ сферу чувственного. Пифагорейцы проложили только путь къ изслѣдованіямъ о высечувственныхъ предметахъ своимъ усиліемъ—изяснивши всѣ явленія изъ извѣстныхъ идей, кошорыя долженствовало у нихъ служить основаніемъ гармоніи міра, и въ кошорыхъ полагали сущность вещей (3). Сколь ни грубы ихъ выводы, однако нельзя не примѣшши въ нихъ того глубокомыслія, кошорому они одолжены бышіемъ своимъ.

К О Н Е Ц Ъ.

---

(1) Arist. met. I. 7. ὡς ὁμολογῶντες τοῖς ἄλλοις φυσιολόγοις, ὅτι τό γε ὄν τῷ ἐστίν, ὅσον αἰσθητὸν ἐστὶν καὶ περιεῖληφεν ὁ καλόμενος θρανός. Τὰς δὲ αἰτίας καὶ τὰς ἀρχὰς, ὡσπερ εἶπομεν, ἰκανὰς λέγεσθαι ἐπαναβῆναι καὶ ἐπὶ τὰ ἀνωτέρω τῶν ὄντων καὶ μᾶλλον ἢ τοῖς περὶ φύσεως λόγοις ἀρμοιτέσσας.

(2) Arist. met. I. 5. καὶ περὶ τῷ τι ἔστιν ἠρξάντο μὲν λέγειν καὶ ὀρίζεσθαι, λίαν δ' ἀπλῶς ἐπραγματεύθησαν, ὠρίζοντό τε γὰρ ἐπιπολαίως καὶ ᾧ πρώτῳ ὁ λεχθεὶς ὄρος, τῷ εἶναι τὴν εἶσιν τῷ πράγματος ἐνόμιζον.

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ПИΘΑΓΟΡΕЙСКОЙ.

Pythagorae aurea carmina, Timaeus Locrus, Ocellus Lucanus, Malchus (Porphyrius) de vita Pythagorae, ed. Rittershusius. Altd. 1610.

Pythagorae sphaera divinatoria de decubitu aegrotorum et epistolae, in Galei opusc. myth. phys. etc. p. 735. sqq.

Socratis et Socraticorum, Pythagorae et Pythagoricorum, quae feruntur epistolae, ed. Orellius. Lips. 1815.

Jamblichi de vita Pythagorica liber gr. cum vers. latina L. Küsteri. Accedit Malehus sive Porphyrius de vita Pythagorae cum notis L. Holstenii et Conr. Rittershusii, itemque Anonymus apud Photium de vita Pythagorae. Amstel. 1704. Lips. 1815.

Rich. Bentleyi dissert. de Phalaridis, Themistoclis, Socratis aliorumque (etiam Pythagorae) epp. Lat. ed. J. D. a Lennep. Groning. 1774. Eiusdem opuscula philol. etc. Lips. 1781.

Meiners Geschichte der Wissenschaften in Griechenland und Rom. 1. Bd. S. 187. sqq. Abhandlung über die Aechtheit einiger Pythagoreischen Schriften in der Biblioth. philol. I. Bd. 5 St.

Tiedemann's Griechelands erste Philosophen. S. 188. ff.

Guil. Lloyd a chronological account of the life of Pythagoras und of the famous men his contemporains with an epistle to the R. Dr. Bentleii about Porphyrius' and Jamblichus' lifes of. P. Lond. 1699.

Henr. Dodwelli exercitationes duae, prima de aetate Phalaridis, altera de aetate Pythagorae. Lond. 1704. Ejusdem de veteribus Graecorum et Romanorum cyclis dissert. Oxon. 1701.

De la Nauze, prem. diss. sur Pythagore, où l'on fixe le tems, auquel ce philosophe a vécu; sec. diss. sur Pythagore, où l'on prouve la realité d'un discours attribué à ce philosophe. — Freret, observations sur la généalogie de Pythagore et sur l'usage chronologique etc. (in Mem. de l'Acad. des inscr. P. XIV. p. 375, 472).

G. L. Hamberger de vita et symbolis Pythagorae. Wittemb. 1708.

Mr. Dacier, la vie de Pythagore, ses symboles, ses vers dorés etc. Paris, 1706.

Chr. Schaderi diss. de Pythagora, in qua de ejus ortu, praeceptoribus et peregrinationibus agitur. Lips. 1708.

Joh. Jac. Lehmanni observationes ad historiam Pythagorae. Francof. et Lips. 1731.

M... Vies d' Epicure, de Platon et de Pythagore. Amst. 1752.

Fr. Chr. Eilschov's historischkritische Lebensbeschreibung des Weltweisen Pythagoras a. d. Dän. von Philander von der Weistritz. Köpenh. 1758.

- Aug. E. Zinserling's Pythagoras-Apollon. Leipz. 1808.
- Joh. Scheffer de natura et constitutione philosophiae Italicae. Upsal. 1664. Vitemb. 1701.
- Jean le Clerc in s. bibliotheca choisie T. X. Art. H. p. 79.
- Heinr. Ritter Geschichte der Pythagorischen Philosophie. Hamb. 1826.
- Ern. Reinhold Beitrag zur Erläuterung der Pythagorischen Metaphysik nebst Beurtheilung etc. Jen. 1827.
- Heumann's Acta philos. Part. II. p. 370. IV. p. 752.
- Joh. Fran. Buddei diss. de peregrinationibus Pythagorae. Jen. 1692.
- Dresigii comment. de alba stola Pythagorae. Lips. 1736.
- Jocheri Prol. de Pythagorae methodo philosophiam docendi. Lips. 1741.
- Jac. Bruckeri convenientia numerorum Pythagorae cum ideis Platonis (in Miscellan. histor. philos.).
- De numerorum, quos Arabicos vocant, vera origine pythagorica comment. Conr. Mannerti. Norimb. 1801.
- Joh. Georg. Michaelis dissertatio de tetractys Pythagorica. Erancof. ad V. 1735.
- Erh. Weigelii tetractys Pythagorica.
- CA. Brandis über die Zahlenlehre der Pythagoreer und Platoniker (im Rhein. Museum für Philol. Gesch. etc. II, Jahrg. 1828. 2 Heft. S. 208. ff.).
- Amadeus Wendt, de rerum principiis secundum Pythagoreos Comment. Lips. 1827.

- (Aug. Boeckh) Disputatio de platonico systemate
coelestium globorum et de vera indole astronomiae
Philolaicae. Heid. 1810.
- Conr. Diet. Kochii diss. Unum, theologiae Pytha-
goricae compendium. Helmstadt, 1710.
- Mich. Mourgès, plan theologique du Pythagoreisme,
Toulouse. 1712.
- Doederlini animadversiones historico-criticae de
Thaletis et Pythagorae theologica ratione. 1750.
- Syrbii Pythagoras intra sindonem noscendus sive
historica in Physicam Pythagoricam introductio.
Jen. 1702.
- Ambr. Rhodii dialogus de transmigratione animo-
rum Pythagorica. Hafniae, 1638.
- Paganini Gaudentii de Pythagorica animarum
transmigratione. Pis. 1641.
- Essay of transmigration in defense of Pythagoras.
Lond. 1692.
- Guil. Irhovii de palingenesia veterum s. metem-
psychosi sic dicta Pythagorica libb. III. Amst. 1733.
- Marci Mappi diss. de Ethica Pythagorica. Argent. 1653.
- Magn. Dan. Omeisii Ethica Pythagorica. Altd. 1693.
- Gr. Guil. Ehrenf. Rost, super Pythagora virtutem ad
numeros referente, non revocante. Lips. 1803.
- Franc. Bernii arcana moralitatis ex Pythagorae
symbolis collecta. Ferrara, 1669.
- Joh. Mich. Sonntagii diss. de similitudine nostri
cum Deo Pythagorico-Platonica. Jen. 1699.
- Fran. Buddei diss. de *μάθησι* Pythagorico-Plato-
nica. Hal. 1701.

Ch. Aug. Roth, de examine conscientiae Pythagorico vespertino. Lips. 1708.

Joh. Friedem. Schneideri diss. de ἀνόδος seu ascensu hominis in Deum Pythagorico. Hal. 1710.

Joh. Schilteri diss. de disciplina Pythagorica (in s. manuductione philos. moralis). Jen. 1676.

Πυθαγορoвы законы и нравственные правила. Пер. съ Франц. С. Пешерб. 1808.

О Тимей и Океелъ:

Meiners, historia doctrinae de vero Deo. II. p. 312. sqq.
Meiners, Geschichte der Wissenschaften in Griech. u. R. I. Bd. S. 584.

Gött. philol. Biblioth. I. Bd. V. St. S. 204. ff.

Tiedemann's Geist der speculativen Philosophie. I. Bd. S. 89.

Книга *περὶ τῆς τῆ ἀθανάτου ψυχῆς*, приписываемая Тимею, напечатана in Th. Galei opusc. myth. phys. et Eth. p. 534. и между сочинениями Платона (во многихъ изданіяхъ). На Французскій перевелъ ее Марк. d'Argens (Berlin. 1763); на Нѣмецкій Бардили (Fülleborn's Beiträge St. IX. N. 9.). О духъ сего сочиненія см. Теннеманн's Syst. der plat. Philos. Bd. I. S. 93. ff.

Океелова книга *περὶ τῆς τῆ παλῆος φύσεως*, помѣщена также in Galei opusc. myth. etc. p. 499. sqq. Ее вмѣстѣ съ книгою Тимея перевелъ на Французскій Башё (Paris 1768.), ошдѣльно ошь послѣдней — д'Аржанъ (Berl. 1792.); съ Нѣмецкимъ переводомъ издалъ Рошермундъ (Leipz.

1794), съ Лапинскимъ Рудольфи (Ocellus Lucanus de rerum natura graece rec. comment. perpet. auxit et vindicare studuit Aug. Frid. Guil. Rudolphi. Lips. 1801). О духъ сего сочиненія см. Fülleborn's Beiträge St. X. N. 1—3.

О *Архитъ*:

Bardili, disquisitio de Archyta Tarentinō (in novis act. soc. lat. Jen. vol. I. p. 1).

Tentamen de Archytae Tarentini vita atque operibus a Josepho Navarra conscriptum. Hafn. 1820.

Исчисленіе ошрывковъ, приписываемыхъ Архиту, можно видѣть въ Мейнсеровой Испоріи наукъ и пр. Т. I. стр. 598 и слѣд.

О *Филолатъ*: Voësch's Philolaos des Pythagoreers Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes. Berlin. 1819.

Кашалогіи Пиеагорейцевъ и Пиеагорейнокъ, также сочиненій, которыя были приписываемы Пиеагору и проч., можно видѣть in Fabricii Bibliotheca Graeca. Tom. I. 448 sqq. и др. работъ в исторіи наукъ.

117, 993

4-~~А~~ ДЕК 1936

